

Annotation

Молодой юноша Ивата Тору, попадает в самую обыкновенную, на первый взгляд, японскую глубинку. Широкие леса, старенький храм и кучка деревенских девчонок, никогда не державших в руках даже телефона. Однако, стоит копнуть глубже и деревня Сатомори, открывает свои жуткие секреты.

Это лето, Ивата не забудет никогда...

Мир без огня: на перекрёстке у рисовых полей

Глава I

Удивительная наивность. Казалось бы, я уже далеко не ребёнок и так просто выпнуть меня из зоны комфорта должно быть затруднительно. По крайней мере, мне должны были предложить что-то соизмеримое с удовольствием провести летние каникулы с новыми сезонами аниме и тонной манги, которую я жаждал прочесть. Как можно быть таким наивным? Как я мог повестись на рассказы о богатом дяде бизнесмене, который с радостью примет меня в своей дорожной вилле на берегу моря. Невероятная доверчивость! Милые соседки, что хотят поскорее со мной познакомиться? Ага, сейчас! Наивный.

Автобус остановился у старой, прогнившей до основания остановки. Лишь божественным чудом этот реликт прошедшей эпохи до сих пор не обрушился кому-нибудь на голову. Я схватился за ручку небольшого чемодана, что стоял рядом с моим сиденьем, и с ворчанием вышел из транспорта. Мои летние каникулы начались.

Снаружи стояла жуткая жара, солнце буквально выжигало меня насквозь. В такую погоду я бы предпочёл охладиться под кондиционером, кушать сливочное парфе и держать в руках геймпад, набивая пару очередных фрагов. Что я тут вообще забыл? На что я надеялся?

Деревня расположилась между несколькими холмами, ставших для поселения естественной стеной. Море тут и правда было недалеко, но судя по разговору с моим дядюшкой, его дом был совсем не в паре шагов от пляжа. Большую часть территории занимали, конечно же, пышные зелёные леса. Мечта натуралистов и живописцев. Даже я не могу не отметить, что природа здесь прелестная, и человек с ней живёт в гармонии.

Шмыгнув носом, я снова взялся за свой чемодан и поплёлся в сторону, где расположилась кучка домиков в традиционном, и не очень, стиле. Улицы тут пустоваты, редкие люди не обращали на меня никакого внимания, занимаясь своими, сугубо деревенскими, делами. Иногда мимо проносились дети, играя в какие-то странные игры.

Главная улица вывела меня к невысокому, но достаточно длинному зданию. По всей видимости и логике, это школа. Значит, есть шанс, что среди здешних есть и мои ровесники. Было бы неплохо. Наверное. Ну, по крайней мере, я бы не чувствовал себя белой вороной в этом местечке. Далее улица привела меня к рисовым полям, где дорога разрывалась на три части. И куда мне, собственно, дальше? За своими размышлениями я совсем забыл, что мне говорил дядя. Пойти наугад? Так я и до вечера могу проходить.

Я ещё какое-то время озирался по сторонам, затем отчаялся, сел на свой чемодан, подпёр подбородок руками и принялся ждать. Рано или поздно, но кто-то же должен пойти по этой дороге. Рано или поздно.

Ждать мне пришлось около получаса. Своего спасителя я услышал задолго до того, как он передо мной предстал. О подоспевшей помощи меня оповестил велосипедный звонок и шум колёс по гравийной дороге.

С противоположной стороны, по одной из тропинок, ко мне стремительно кто-то приближался. Через считанные секунды рядом остановился простенький, скорее всего собранный вручную, велосипед с разрисованным цветочками багажником.

Спасителем же оказалась девочка. Бирюзовая юбка до колена, лёгкая рубашка того же цвета, но тоном темнее; на поясе, с завязанными в узел рукавами, развивалась, словно плащ,

выцветшая красная кофточка. Довольно длинные чёрные волосы были убраны назад и заплетены в высокий аккуратный хвостик. На лицо девчушка была совсем простой, в крупных городах такие обычно не водятся: или в слезах уезжают на родину, или подстраиваются под уклад городской жизни, теряя своё очарование.

— Ва! — раздался жизнерадостный звонкий крик. — Какие кроссовки!

Девочка спрыгнула с велосипеда, положила его на землю и пулей подбежала ко мне, с интересом разглядывая мою обувь. Невольно, я также кинул взгляд на её ноги. Обувка девочки вызывала только скупую слезу, ибо в настолько изношенных кедах ходить было бы, как минимум, неприятно.

— Классно! — кажется, ей было совершенно всё равно на меня. — Я бы такие только на фестивали надевала!

— Спасибо, — я смущённо потёр затылок. — Я вообще-то хотел вас спросить...

— А ты где такие взял? — перебив реплику, она, наконец, оторвала взгляд от моих ног и взглянула прямоком в глаза.

— Да я... как бы, — она с таким упорством интересуется моими кроссовками, что мне стало неудобно задавать ей какие-либо вопросы.

— Ва! — снова крикнула она. — Точно! Я, Каватсуки Морики, но, если не нравится, можешь звать Рико. А тебя мне как звать?

— Меня... — её слова вывели меня из ступора. — Тору... Ивата Тору.

— Ва! — это повторилось в очередной раз. — А ты чего тут расселся?

— Об этом я и хотел спросить...

— Ты тут так не сиди, — меня снова прервали, — солнце вон как печёт сегодня, по голове, как даст, температура поднимется, болеть будешь.

— Я немного заплутал. Мне нужно к дому Исиямы Ёичи. Случайно не знаешь, куда идти?

— Спрашиваешь! — она упёрла руки в бока. — Конечно, знаю. Куда хочешь тебя отведу.

— Так сможешь мне добратся?

— Мне нужно забрать кое-что из школы, — она приложила палец к губам и подняла взгляд куда-то в небо. — Пошли со мной, я там это возьму, а после отведу тебя.

— Думаю, дядя не особо меня ждёт, — я вздохнул.

— Пошли-пошли, Ивару! — она подняла с земли велосипед и хотела на него залезть, но остановилась, словно что-то осознав. — Ва! Ты же пешком! Это что, мне тоже пешком идти?

— Что ещё за «Ивару»? — я встал рядом с Рико.

— Ну смотри, — она дёрнула за звончок на велосипеде. Раздался отрывистый «динь». — Ивата — Ива, Тору — Ру. Ивару!

— Эх, — я вновь схватился за свой чемодан. — Идём в твою школу, только поскорее.

Мы, никуда не спеша, шли вдоль невысоких домиков. Я всё ещё не могу привыкнуть к местному спокойствию. После вечно шумного мегаполиса, такие уголки, отрезанные от цивилизации, никак не укладывались в голове.

Рико катила свой велосипед, изредка дёргая за звончок. В каком она классе? На вид моя ровесница. Интересно, когда она закончит школу, то чем будет заниматься? Собирается ли она вообще поступать куда-нибудь в будущем?

Солнце скрылось за налетевшим облаком, поднялся лёгкий ветерок и идти стало куда

легче. Рико достала из багажника пластиковую бутылку с водой, пристала к горлышку и махом опустошила почти половину.

— Ва-а-а! — удовлетворённо выкрикнула она и утёрла со лба пот. — Пить будешь?

Рико протёрла рукавом кофты горлышко и протянула бутылку мне. Я засомневался. Очень сильно засомневался.

— Знаешь... такое обычно приравнивают... приравнивают...

— К чему приравнивают? — взгляд у неё стал озадаченным.

— Как бы сказать, — я чувствовал, как краснею. — К поцелую... что ли.

Девочка хлопнула ресницами, а затем всё осознала. Щёки Рико налились краской, она резко отдернула руку с бутылкой и отвернулась. Отошла от произошедшего она, правда, довольно быстро и через пару минут уже забыла о случившемся.

Она снова полезла рукой в багажник и достала оттуда изрядно помятую булку, с краёв которой, медленно стекал джем. Девочка разломилась её на две не особо равные части и протянула мне ту, что побольше.

— Спасибо, — несмотря на внешний вид, булка оказалась довольно вкусной.

— Ивару, — Рико быстро управилась со своей порцией. — Ты откуда?

— Я много где жил. Родился в Киото, затем, родители переехали в Нагою, а оттуда на окраины Токио.

— Ва! — Она вновь приложила палец к губам. — Далеко! А ты на самолёте летел?

— Нет, на поезде.

— Поезд! Я тоже каталась на поезде! Ва, я никогда так быстро не ездила!

Нет, ей как пить дать, нельзя жить в больших городах. При такой активной реакции на всё, первый визит в *Акибу, станет для неё фатальным, ибо от переизбытка эмоций, она точно разучится дышать.

Наконец, Рико остановилась перед зданием школы. Она прислонила велосипед к невысокому заборчику и взмахом руки позвала меня за собой.

Школьный двор оказался максимально примитивным. Пара турников, немного места было выделено под дорожки для бега, на краю двора расположились качели: обычные и детские, в виде машины и лошади, с которых постепенно слезла краска, оголяя старое ссохшееся дерево.

Рико открыла дверь и прошмыгнула внутрь, я последовал за ней. Передо мной открылся длинный коридор со множеством кабинетов. Заглядывая в каждый из них по пути, я отметил, что друг от друга они ничем не отличаются: пара парт, доска, да невысокие шкафчики.

Наконец, Рико остановилась. Она аккуратно открыла дверь, с опаской заглянула внутрь кабинета. Когда девочка удостоверилась, что там никого нет, едва ли не на цыпочках прошла внутрь и принялась ходить вдоль парт, заглядывая под каждую.

— А нам точно можно тут находиться? — я неуверенно мялся у входа.

— Конечно можно, — но её слова почему-то не вызвали доверия. — Сейчас-сейчас, я быстро.

После нескольких минут поисков, она достала из-под первой парты среднего ряда тонкую зелёную тетрадку, открыла её, лучезарно улыбнулась, прижала находку к груди и уже хотела было уходить, как вдруг дверь в кабинет открылась.

— Каватсуки Морики, — послышался строгий женский голос.

— Ва, — сдавленной прохрипела Рико, улыбка с её лица сползла тут же. — Плохо.

— И что же ты тут ищешь?

В дверях стояла женщина, на вид лет тридцати. Высокий рост, практически идеальная фигура, длинные завивающиеся каштановые волосы. Из-под тонких стекол очков, на Рико смотрели грозные зелёные глаза. Одета женщина в строгий офисный костюм: темно-коричневый пиджак, под ним ослепительно белая рубашка, узкая юбка в тон пиджаку и сапожки на платформе.

— Да я так, — девочка нервно засмеялась, пряча тетрадку за спиной. — Вот, вас пришла увидеть, Ханакири-сенсей.

— Да ты что, — женщина будто бы и не замечала меня. — Ты же не тетрадку Уми-чан искала, верно?

— Тетрадку? — Рико фальшиво засмеялась. — Зачем она мне, тетрадка-то?

— Например, задание на лето списать, — женщина в очках приблизилась на опасное расстояние к девочке. — Ты же его даже не начинала делать, я права?

— Да... я... уже... — лицо Рико побледнело. — Сделала его.

— Какая ты у нас молодец, — женщина потрепала её по волосам. — Ответственная, умная, честная.

Девочка расплылась в довольной ухмылке и покраснелась, потеряв бдительность. Воспользовавшись случаем, женщина выхватила из-за спины Рико тетрадку и не убирая руки с головы, вlepила девочке хороший подзатыльник.

— И чтобы сегодня же принялась за задание, — она окинула Рико строгим взглядом. — Иначе, я буду говорить с Каватсуки-саном о твоём воспитании.

— Простите, — едва слышно произнесла девочка. — Не надо с папой говорить.

— А вы кто, юноша? — женщина, наконец-то, одарила меня вниманием.

— Ивата Тору, — я спешно поклонился. — Приехал сюда на лето и...

— И она тебя втянула в очередную авантюру, — учительница усмехнулась. — Я, почему-то, даже не удивлена. И к кому же ты приехал, Ивата Тору?

— Здесь живёт мой дядя — Исияма Ёичи.

— Ах, Исияма-сан, — она странно улыбнулась. — Давненько у нас в деревне не было гостей. Очень давно... не было гостей.

Последняя фраза прозвучала как-то отстранённо, словно женщина думала о чём-то совершенно другом. Взгляд её, вдруг, стал потерянным, но буквально на мгновение. Если бы она не смотрела на меня в этот момент, я бы даже не заметил.

— Ну, хорошо, — учительница вновь развернулась к Рико. — Проводи Ивату-куна к его дяде. И чтоб без приключений довела. Поняла?

Девочка угрюмо кивнула.

— Поняла?!

— Поняла, — буркнула она и быстрым шагом направилась к выходу, схватив меня за руку.

Всю дорогу от школы до дома моего дяди, Рико во всех красках рассказывала мне, какая Ханакири-сенсей предвзятый преподаватель: как она занижает ей оценки, заставляет дежурить вне очереди и не может разглядеть в ней талантов.

Я, конечно, не сомневался, что у Рико полно различных умений. Но в то, что она подающий надежды математик или знаток классической литературы, я бы ни за что не

поверил.

Девочка подкрепляла свои слова отрывистым звяканьем велосипедного звоночка. Этот звук, ей, без всяких сомнений, очень нравился. Да и в целом, было заметно, что Рико очень дорожит своим велосипедом.

Мы снова вернулись на распутье и свернули на одну из дорожек, что была проложена вдоль течения узкого ручейка. Рико на какое-то время замолчала, продолжая время от времени дёргать за звонок.

К моей величайшей радости, спустя ещё несколько минут, мы вышли к зданию. Дом дяди Ёичи явно не был дорогушим поместьем, каким мне его описывали родители, но и совсем уж простым его не назовёшь. Двухэтажный домик в европейском стиле, вокруг которого расположился небольшой сад, заполненный декоративными кустарниками, которые выращивал мой дядюшка.

Я неуверенно постучал в дверь. На мой стук ответили довольно скоро. Своего родственника я видел всего-то пару раз, когда он навещался к нам в Нагое. Особых отличительных черт он не имел, выглядел и вёл себя, как и все окружающие.

С годами дядя Ёичи не изменился. Тонкое вытянутое лицо, аккуратно уложенные тёмные волосы, слегка сутулая спина. Дядя всегда прихрамывал, одна его нога была чуть короче другой. Перед нами он предстал в обычном сером халате в полоску.

— Ну, наконец-то, — он с облегчением выдохнул. — Где тебя носило Тору?

— Немного прогулялся по деревне, — я смущённо отвёл взгляд.

Дядя заметил Рико, которая уже собиралась уезжать.

— Эй, ты же дочь Каватсуки-сан, верно? — он окликнул девочку.

— Да, — Рико почему-то потеряла былую прыть.

— Ну-ну, не убегай так быстро, — он улыбнулся. — Заходите оба, хотя бы чаю выпьете.

— Чаю? — Рико задумалась. — Чаю можно.

Два кожаных диванчика, кофейный столик, небольшой плазменный телевизор, который тут же привлёк внимание Рико, два внушительных книжных шкафа. Далее гостиная плавно перетекала в кухню. Всё в этом доме выглядело по-европейски. Я бы даже не удивился, если бы вместо палочек обнаружил в доме лишь вилки и ложки. Кажется, мой дядя не был приверженцем традиций.

Мужчина разлил по кружкам горячий, хорошо заваренный зелёный чай, поставил на стол пиалу с какими-то конфетами и завалился на один из диванчиков. Выглядел дядя так, словно был чем-то очень-очень обрадован. Моим ли приездом?

— Ну, Тору, как там Румико?

— С мамой всё в порядке, — я обжёгся, отхлебнув из кружки слишком много. — Всё ещё ищет себе работу.

— Давно мы с ней не виделись, — фраза прозвучала так, словно он на секунду вылетел из реальности. — Давненько.

— Дядя?

— Ты, наверное, не привык к такой глуши? — раздался лёгкий смешок. — Ну ничего, Каватсуки-чан тебе всё покажет. Здесь не много твоих сверстников, но, думаю, ты сдружишься с теми, кто есть.

— Ва! — наконец заговорила Рико. — Тебя обязательно надо познакомить с Аи-чан, и с Уми тоже, и с Юри!

— Вот видишь, Тору, — дядя рассмеялся. — Тебе будет здесь не так уж и скучно, вот

увидишь.

— Дядя Ёичи, вы же всегда жили где-то в Кобе. Почему вдруг решили переехать?

— У меня были кое-какие дела здесь, — неуверенно ответил он. — Думал, надолго не задержусь, но...

— Но?

— Виды понравились, — дядя развернулся ко мне и доброжелательно улыбнулся. — Природа тут красивая.

— Ва! — вдруг всполошилась Рико. — Уже четыре часа! Мама поколотит, если я не помогу ей ужин приготовить.

— Ну хорошо, — дядя поднялся с диванчика. — Беги.

— Спасибо за чай!

Рико поднялась из-за стола и поспешила к выходу. Дядя жестом попросил меня проводить девочку. Я выскочил вслед за ней.

Морико подняла свой велосипед, крутанула педали, проверила содержимое багажника, звякнула звоночком и повернулась ко мне.

— Если захочешь, можем завтра встретиться, — она добродушно улыбнулась. — Я всех всех позову, и мы можем куда-нибудь сходить.

— Было бы неплохо.

— Тогда, я заеду за тобой, — Рико кивнула. — До завтра!

Я провожал её взглядом до тех пор, пока цветастый багажник её велосипеда не скрылся за ближайшим поворотом.

Что же, это не самое худшее начало, которое я мог себе представить. По крайней мере, с такой знакомой как Рико, я не засохну тут со скуки в первые же пару дней.

Ещё недолго я наслаждался местными пейзажами и всё же вернулся в дом. Дядя с задумчивым видом сидел на диване. Когда я вошёл в гостиную, он тут же оживился, и странная задумчивость вмиг исчезла с лица.

— Тору, я не хотел тебя просить, — он достал из нагрудного кармана халата небольшой конверт, — но, пока не стемнело, можешь отнести это в храм? Он тут недалеко.

— В храм? — я принял конверт и покрутил его в руках. Абсолютно чистый, без каких-либо марок, подписей и адреса. — Хорошо. Но я не знаю, где он.

— Средняя тропинка, что у рисовых полей, — дядя махнул рукой. — Иди прямо и точно не пропустишь. Я-то со своей ногой долго ковылять буду, а ты как раз познакомишься с местами.

— А что мне сказать? Ну, когда я передам конверт?

— Что сказать? — дядя задумался. — Скорее всего, тебя встретит Нанаки-сан. Скажи, что долг я возвращаю.

— Ты задолжал храму?

— Ну, можно и так сказать, — он снова странно улыбнулся.

Мой дядя никогда не отличался честностью. Когда мне удалось добраться до храма, солнце уже начинало садиться, окрашивая небо в тёплый оранжевый цвет. Стоило бы догадаться, что святилище не будут строить слишком близко к самой деревне.

Укрытый лесом, храм одиноко стоял, окружённый небольшим заборчиком. Деревенские

святилища отличались от городских. Вокруг них всегда царило непередаваемое умиротворение и, казалось, словно здесь взаправду обитают *ками. Наблюдают за тобой сквозь пышную листву.

На главной площади храма, активно работала метлой невысокая девочка. Короткие волосы, стрижены под каре, белая *юката, подпоясанная красной лентой, на ногах — *гэта. Это Нанаки-сан? Я думал, будет мужчина.

— Добрый вечер, — я сдержанно поклонился.

Девочка кивнула в ответ и заинтересовано посмотрела мне в глаза. Лицо её было болезненно бледным, кожа едва ли не просвечивала, уши забавно выглядывали из-под коротких волос, но больше всего выделялись глаза. Ярко-жёлтые глаза девочки — жутко уставшие и настолько же жутко печальные.

— Я Ивата Тору. А вы, Нанаки-сан, верно?

Незнакомка отрицательно покачала головой и указала пальцем в сторону ритуального дворца. Она отставила метлу и, стуча деревянными подошвами гэта, убежала внутрь храма. Она вышла оттуда через считанные секунды с пожилым мужчиной.

— Вам чем-нибудь помочь? — голос у мужчины был по-старчески хриплым.

— Ивата Тору, — я поклонился. — Мой дядя — Исияма Ёичи, просил вам передать.

Я протянул мужчине конверт.

— Он также просил сказать, что возвращает долг.

Мужчина внимательно осмотрел сперва конверт, а затем меня самого. Прищуренные глаза смотрели на всё из-под тяжёлых, густых и седых бровей, другой растительности на голове у служителя храма не было. Наконец, он убрал конверт в карман кимоно и улыбнулся мне.

— Передай дяде, что теперь всё в порядке.

Девочка всё крутилась за спиной у мужчины и время от времени выглядывала, внимательно меня изучая.

— Харука, — он отошёл в сторону. — Не стесняйся так. Непристойно прятаться от гостей.

Она смущённо вышла из-за спины мужчины и отвесила мне до неприличия низкий поклон. За всё время, что я находился здесь, она не произнесла ни слова.

— Харука — очень застенчивая девушка, — служитель улыбнулся. — Не обижайся на неё.

Щёки девочки покраснели и она, с обиженным выражением лица, ловко перебирая пальцами и быстро двигая руками, показала что-то мужчине.

— Где твой блокнот, Харука?

Харука снова что-то показала ему на языке жестов.

— А я тебе говорил, чтобы убирала его куда положено, — служитель тяжело вздохнул. — Это хорошо, я в храме был. А если бы ты одна осталась и Ивата-сан бы что-нибудь у тебя спросил?

Девочка растерянно опустила взгляд и принялась водить ногой по каменной кладке.

— Харука потеряла голос ещё в детстве, — мужчина обратился ко мне. — Неудачно упала во время ремонта храма.

— Я сожалею, — я не знал, что ответить.

— Я бы хотел попросить тебя о небольшом одолжении, Ивата-кун, — служитель кинул взгляд на всё ещё смущённую девочку. — Сверстники почти не общаются с Харукой, потому

ей тут довольно одиноко. Чем её может развлечь такой старик? Я бы хотел, чтобы ты хоть иногда заходил к нам. Харука, правда, очень хорошая девушка и ей было бы намного легче, если бы к ней относились также, как и к другим детям.

— Хорошо, обязательно, — мне вдруг стало не по себе. — Я завтра как раз хотел познакомиться с остальными. Мы могли бы взять Харуку с собой... если она захочет, конечно.

— Это было бы прелестно, — мужчина засмеялся. — Ты не против, Харука?

С каждым новым словом, она становилась всё краснее и краснее, всё быстрее водила ногой по каменным плитам. На вопрос служителя она неуверенно кивнула.

— Тогда я обязательно зайду.

— Харука будет ждать. Уверен, что с нетерпением.

Перед моим уходом, девочка ещё раз поклонилась и помахала на прощание рукой. Махала она долго. По дороге назад я несколько раз оборачивался, а она всё не уходила, методично махая мне вслед.

Я вернулся к дому дяди, когда солнце совсем ушло за холмы и на деревеньку опустился ночной мрак. В воздухе ещё сохранялось тепло, но дневная духота сошла на нет. Цикады к ночи оживились и стрекотали во всю силу.

Дядя ещё не спал. Он всё также сидел в гостиной и о чём-то глубоко размышлял. Мой приход он заметил не сразу. Я прошёлся по комнате и уселся на противоположный диван.

— А ты в мать пошёл, — после длительного молчания произнёс он. — Те же странные холодные глаза. Меня всегда дрожь пробирала, когда Румико смотрела на меня своим укоризненным взглядом. Будто прямиком в душу заглядывает.

— Дядя?

— А стрижёшься, как отец, — он будто не слышал меня. — Он у тебя тоже никогда не причёсывается, волосы вечно в разные стороны торчат. Да и привычки, я гляжу, тоже его.

— Ты чего, дядя?

— Да так, — он резко пришёл в себя. — Не бери в голову, — мужчина бросил взгляд на часы, что висели рядом с одним из книжных шкафов.

— Поздновато что-то, — он покачал головой. — Денёк-то у тебя не простой выдался. Пойдём-ка спать. Завтра важный день... очень важный.

Жар огня обжигал кожу, палил волосы. От чёрного непроглядного дыма было трудно дышать, глаза слезились. От жутких криков и лошадиного ржания закладывало уши. Я стоял в самом центре деревни и не мог сдвинуться ни на миллиметр.

Из плотной завесы дурнопахнущего дыма проявились силуэты. Недалеко от меня стояла толпа. Кто-то едва-едва держался на ногах, кто-то уже и вовсе пал на колени. Дети, женщины, мужчины, старики. Перед ними, я смог разглядеть и силуэты нескольких всадников.

Всё это было похоже на картинки из учебника по истории.

Один из всадников что-то говорил. Из-за стоящего вокруг шума у меня не выходило толком расслышать, что именно, лишь бессвязные окончания слов и эту ужасную интонацию, словно он проклинал кого-то, проклинал со всей ненавистью.

А пламя разгоралось всё больше и больше. Ломались и с грохотом падали деревянные балки, стекла со звоном бились о землю. Дышать становилось всё труднее. Я попытался крикнуть, чтобы меня заметили, но и мой голос звучал приглушенно и невнятно.

Я почувствовал, как огонь обжигает мою спину. Затем к носу подобрался запах горячей ткани и резины. Боли я не чувствовал, только жар. Огонь добрался до футболки, вмиг охватив всё моё тело. Я видел, как кожа на руках медленно вздувается, краснеет и лопается местами.

Лёгкие окончательно забились углекислым газом. Дышать было уже невозможно. В глазах начинало темнеть. Окружение стремительно теряло чёткость. Ещё какое-то время я мог наблюдать силуэты всадников. А затем. Затем лишь темнота.

Примечание

**Акихабара (Акиба) - наиболее известна как одна из крупнейших торговых зон во всём мире для электронной, компьютерной техники, аниме и товаров для отаку. *Ками - В японской мифологии, боги и духи. *Юката - традиционная японская одежда, представляющая собой летнее повседневное хлопчатобумажное, льняное или пеньковое кимоно без подкладки. *Гэта - японские деревянные сандалии в форме скамеечки, одинаковые для обеих ног*

Глава II

На столе записка. Я беру в руки наспех вырванный из тетрадки листок. Корявый почерк. Когда писали, явно торопились. Записка была адресована мне:

«Тору. Прости, что так внезапно, но мне срочно нужно уехать. Ты уже довольно самостоятельный, я понял это, как только ты появился у меня на пороге. Я уверен, ты со всем сможешь справиться. Я оставил тебе денег. Загляни в верхний ящик своего стола. Надеюсь, ты будешь расходовать их разумно. Уверен, что ты не будешь скучать. Тем более, в компании Каватсуки. Со всеми наилучшими пожеланиями, твой дядя Ёичи».

Дядя уехал? Куда? Да ещё и так внезапно. Вчера он ничего об этом не говорил. Собственно, меня это волнует мало. В конце концов, в моём распоряжении целый дом и даже какие-то деньги. Нужно бы узнать, насколько я богат.

Из кухни я вернулся к лестнице и поднялся на второй этаж. В комнате, куда поселил меня дядя, царил жуткий беспорядок: какие-то картонные коробки, пыльные мешки. Кажется, до моего приезда это место было кладовкой.

Я подошёл к старенькому истёртому столу и со скрипом вытянул верхний ящик. Там, аккуратно сложенные, лежали несколько толстых, обтянутых резинкой кип с банкнотами. Глаза у меня округлились, я судорожно начал пересчитывать купюры в первой пачке:

— Десять, двадцать... сорок, пятьдесят... семьдесят, восемьдесят, — руки у меня похолодели, — восемьдесят тысяч... йен.

В следующей ровно столько же и в последующих кипах было ровно по восемьдесят тысяч. На втором миллионе я бросил считать. Это было немного больше, чем родители давали мне на карманные расходы.

Самая большая сумма, которую я держал на руках до этого, составляла не больше пяти тысяч йен. На эти же деньги я мог бы жить спокойной размеренной жизнью до самой старости и завещать остаток своим внукам. Дядя точно оставил их именно мне? И почему в валюте? Такие большие суммы обычно хранят в банках... очень-очень надёжных банках.

Мне стало не по себе. Я точно могу пользоваться этими деньгами? Возможно, стоит позвонить дяде и узнать. Зная его, могу смело предположить, что это фальшивки из какой-нибудь настольной игры. Я достал мобильник и набрал номер дяди. Абонент недоступен.

Я вытащил одну купюру и проверил её на наличие водяных знаков. Все на месте, значит, это действительно настоящие японские йены. Когда это дядя успел заработать такую сумму? И если так, то какой такой долг он возвращал местному храму? Ничего не понимаю.

В дверь раздался громкий стук. Я резко задвинул ящик стола, убрал десятитысячную купюру в карман джинсов и поспешил спуститься на первый этаж. Стук в дверь вновь повторился. Я перевёл дух и повернул ручку.

— Ва! — на пороге стояла Рико. — Ты чего такой медленный?! Я уже думала уходить.

— Рико?

— Чего? — она нахмурилась. — Ты идёшь знакомиться с остальными? Или передумал уже?

— Нет, что ты, — наверное, стоит немного отвлечься от увиденного. — Не передумал.

— Тогда чего стоишь? Пойдем давай, там уже все заждались.

Я натянул на ноги кроссовки и поспешил выйти за девочкой. В этот раз она была без

велосипеда, но всё в той же простенькой одежде, что и вчера. Рико закинула руки за голову и вышагивала впереди меня, словно проводник.

Сегодняшний день мало отличался от вчерашнего. Солнце по-прежнему нещадно печёт, на небе нет даже облаков. Вездесущее пение птиц, стрекот насекомых. Идеальная атмосфера для какой-нибудь визуальной новеллы. Мы с Рико вышли к перекрёстку.

— Подожди, — я остановил бодро шагающую девочку.

— Чего?

— Мы могли бы заглянуть в одно место, ненадолго?

— Ва! Если мы опоздаем, Юри снова будет на меня ругаться, — она поджала губы. —

Куда тебе надо?

— Мы можем зайти в храм?

— Ва-а-а-а! — ещё более раздражённо прокричала она. — Далеко! Не пойдём.

— Я обещал заглянуть сегодня. Пожалуйста, Рико.

— Зачем ты обещал? — она непонимающе хлопнула ресницами. — Не надо обещать того, чего не можешь выполнить.

— Но я могу.

— Не можешь.

— Могу.

— Не можешь! — она продолжала настаивать на своём.

— Могу, — но и я отступить не собирался.

— Ва! Хватит! — Рико надула щёки. — Хорошо-хорошо, пойдём в твой храм. Только, если Юри меня отругает, ты купишь мне... что-нибудь.

— Что-нибудь?

— Я ещё не придумала, — она тяжело вздохнула. — Идем уже!

В этот раз до храма мы добрались быстрее. Всё оттого, что я едва ли поспевал за идущей. Нет, не так. За бежавшей впереди меня Рико. Потому, когда мы наконец остановились, я с трудом смог успокоить колотившееся изо всех сил сердце.

У невысокого рукомойника стояла Харука и зачем-то набирала воду в пластиковую бутылку. Мы с Рико вошли на главную площадь храма.

— Всё, выполнил обещание? — буркнула Рико. — Теперь обратно!

— Да подожди ты.

На наши голоса обернулась Харука. Она спешно отставила пластиковую бутылку и подбежала к нам. Девочка снова, без веской на то причины, поклонилась нам чересчур низко и слабо, даже, наверное, призрачно, улыбнулась.

— Привет, Харука, — неуверенно начал я. — Я обещал вчера... ну, что мы... что мы сможем прогуляться. Ты не против?

Девочка быстро замотала головой, подтверждая, что решения не меняла. Затем она ловко показала мне нечто на языке жестов и быстро скрылась за дверью небольшой пристройки у храма.

— Ивару, кто это? — Рико пыталась повторить тот же жест, что изобразила Харука.

— Она работает при храме. Я думал вы знакомы.

— В храм ходит только моя мама, — девочка виновато почесала затылок. — Мне лень сюда добираться, потому я тут никого не знаю.

— Я обещал, что мы и её познакомим с остальным. Ты же не против?

— Нет... наверное, — Рико сомневалась.

Наконец, на площади вновь появилась Харука. Юката сменилась на лёгкий джинсовый жакет, из-под которого выглядывала белая футболка с принтом персонажа из какого-то аниме, длинная жёлтая юбка и балетки на ногах. В руках она держала небольшую тетрадку с пестрыми наклейками на обложке.

Харука открыла тетрадку на первой странице и продемонстрировала её Рико. Почерк у девочки был идеальным, особенно в сравнении с моими каракулями: «Здравствуйте. Я Мегами Харука. А как зовут вас?»

Рико прищурилась и беззвучно шевеля губами, прочитала написанное.

— Каватсуки Морико, — ответила она, после недолго ступора. — А почему бумажками общаешься?

Девочка снова уткнулась в тетрадку и перевернула страницу: «Мне очень жаль, но, к сожалению, я потеряла возможность говорить».

— Ва! — раздражённо произнесла Рико. — Не люблю читать!

Харука обречённо опустила тетрадку. Губы у неё едва заметно задрожали. Девочка принялась быстро и долго кланяться нам. Вверх-вниз-вверх-вниз. Казалось, она вот-вот ударится головой об землю. Если бы я не остановил её, так бы и вышло.

— Ты чего творишь? — я аккуратно взялся за её плечи. — Прекрати.

Она вынула из кармана жакета карандаш, открыла чистую страницу тетрадки и с невероятной скоростью написала: «Я очень хочу с вами дружить».

— Это же не повод так убиваться!

«Если Каватсуки-сан не нравится читать, то я не смогу с ней разговаривать. Если я не смогу с ней разговаривать, я не смогу с ней дружить».

— Рико пошутила, — я хмуро оглянулся на свою спутницу. — Правда, Рико?

— Но читать ведь правда скучно.

— Рико пошутила! — ещё более грозно произнёс я.

— Ва! — сдалась она. — Пошутила!

— Вот видишь, — я улыбнулся. — Вы будете хорошими друзьями.

«Я буду стараться!»

Итак, наша троица снова вышагивала в направлении перекрёстка. Рико изображала из себя капитана, пока мы с Харукой плелись позади и отвлечённо беседовали. Харука вела себя скованно, мяла в руках тетрадку, поджимала губы и постоянно оборачивалась в сторону храма.

И всё же, несмотря на такое зажатое поведение, Харука была счастлива. По крайней мере, так казалось мне. Время от времени она с интересом разглядывала идущую впереди Рико и что-то записывала в тетрадь.

— Так значит, Нанаки-сан, не твой отец?

Девочка отрицательно покачала головой: «Нанаки-сан воспитал меня, но он не мой отец».

— Прости. То есть, ты не знаешь своих настоящих родителей?

«Нет. Я никогда их не видела».

— И ты всегда живёшь в храме? Даже не выходишь в деревню?

«Я приглядываю, чтобы в храме всё было в порядке: поливаю цветы, подметаю площадь, меняю благовония. За всем остальным следит Нанаки-сан».

Скоро мы снова вышли к перекрёстку.

На детских качелях, тех, что в виде машинки, качалась девочка примерно моего возраста. Белое летнее платье в цветочек, перекинута через плечо маленькая дамская сумочка. Первым, конечно, в глаза бросались пышные, кучерявые, рыжие волосы. Кто разрешил ей краситься в школе?

Уже издали от этой девицы веяло жутчайшим легкомыслием. Хотя, не могу не отметить, что внешние её данные меня вполне устраивают. Миниатюрная фигурка, вкуче с невинными детскими глазами, создавали образ идеальной *лолиты.

Недалеко от неё, прислонившись к стене, со скучающим видом читала книгу ещё одна незнакомка. Очки в толстой оправе, заплетённые в два хвостика засаленные волосы, школьная форма. Выражение её лица ясно говорило лишь одно: «Я сделаю за вас все домашние работы, только не трогайте меня!»

Не сразу я заметил, что на школьном крыльце сидит и третья подруга. Мешковатая футболка, старомодные джинсы были явно не по размеру. Мешки под глазами. Взгляд её глубоко посаженных глаз был устремлён на нас, а лохматые волосы, торчащие во все стороны, лишь добавляли её образу жути.

Наконец, она поднялась с места и стремительно направилась в нашу сторону. Буквально за несколько шагов девочка преодолела расстояние от крыльца до входа во двор и остановилась прямо перед моим носом. Она долго всматривалась в моё лицо и задумчиво мычала.

— Я думала, ты будешь красивее. Но ничего, таким тоже сгодишься.

— Ну спасибо, — обижено буркнул я.

— Я — Нацуёши Юри, — девочка протянула мне руку. — А ты — тот самый Ивару?

— Ивата Тору, — я нехотя пожал руку.

Из-за моей спины неуверенно вышла Харука. Она смущённо переваливалась с одной ноги на другую и явно хотела о чём-то поведать.

— Какая милая у тебя тетрадка, — лицо Юри смягчилось.

Харука улыбнулась в ответ и, кажется, слегка покраснела. Не знаю, чувствовала ли она тот же дискомфорт, что и я, находясь рядом с Юри.

— О-о-о! — на всех парах к нам неслась девочка в платье, — это же «Мне не выжить в старшей школе»!

Она проскочила мимо меня и подбежала к Харуке, с неподдельным восхищением рассматривая её футболку.

— У меня тоже есть футболка, но с Цуей-чан, — незнакомка радостно крутилась вокруг Харуки. — Наконец-то, хоть с кем-то можно обсудить новый сезон! Ты же — Ивару, верно?

Я сдержанно откашлялся, привлекая внимание девочки.

— Ой, прости, не заметила тебя. Так значит, это ты — Ивару? — она растерянно засмеялась. — Меня Аи зовут! А ты не смотришь «Мне не выжить в старшей школе»?

— Нет, но посмотрю на досуге, — я всегда отмахивался от неинтересных мне тайтлов подобным образом.

— Обязательно посмотри! — она сжала свои маленькие кулачки. — Если хочешь, я тебе всё расскажу! Я всё-всё знаю про это аниме! Честно-честно, всё-всё!

Харука, неожиданно смело, дотронулась до плеча Аи и поднесла к её лицу тетрадку: «А у тебя есть фигурки?»

— Конечно! У меня все фигурки есть! Цуя-чан, Мию-чан, Яширо-кун, Мизукара-сенсей и даже фигурка кота Момо!

«Я бы очень хотела посмотреть».

— Я покажу тебе... — Аи запнулась. — Извини, но твоё имя...

«Мегами Харука. Надеюсь, мы будем дружить».

— Конечно будем!

Кажется, Аи не особо удивляло то, что Харука общается с помощью тетрадки. Думается мне, этой парочке будет о чём поболтать. Как там говорится: отаку отаку видит издалека. Или там было что-то другое?

— Если будешь так внимательно разглядывать девушек, — послышался тихий голос из-за спины. — О тебе неправильно подумают.

Я резко развернулся и встретился глазами с тяжёлым взглядом девочки в очках. Я даже не заметил, что она подошла. Как долго она стояла у меня за спиной?

— Окико Уми, — коротко и всё также тихо произнесла она.

— Ивата Тору.

— Я слышала, — она кивнула. — Не обижайся на Юри, она просто тебя проверяет.

— Да я и не обиделся, — я даже не пытался скрыть собственной лжи.

— Главное, никогда не ругайся с ней, — Уми выглядела уравновешеннее всех своих подруг. И, не смотря на странный внешний вид, общение с ней давалось легко. — Иначе... В общем, не повышай на неё голос.

— Уяснил.

Я оглянулся на судачащих о чём-то девчонок, что собрались вокруг Харуки.

— Кстати, тебе не жарко в форме?

— Нет, — она осмотрела себя. — Мне нравится наша форма.

— Ва! Пойдёмте на море! — послышался звонкий голосок Рико.

— И что ты предлагаешь нам там делать? — развела руками Юри.

— Ты совсем глупая? Купаться, чего ещё-то там делать?!

— Ты видишь у меня купальник? Или, может, у Аи?

— Раньше, мы всегда без них обходились.

— Рико, — Юри подошла ближе к подруге и положила ей руку на плечо. — Подумай хорошенько, что изменилось, и почему мы не можем пойти купаться сейчас.

Рико вновь непонимающе хлопнула ресницами, приложила палец к губам и долго всматривалась куда-то вверх. К этому времени, небо мало-помалу заволакивало белыми, пушистыми облаками. Солнце то выглядывало, то снова пряталось.

— В общем, — Юри решила не дожидаться ответа подруги. — Давайте заглянем в здание старой больницы.

— Нет-нет-нет! — резко затараторила Аи. — Мы не пойдём туда!

— А что, испугалась? — Юри заговорщицки улыбнулась.

— Старая больница? — название меня явно не привлекало.

— Ты не знаешь? — Юри развернулась ко мне. — Это на самой окраине деревни. Сейчас там заброшенное здание. Официально больницу закрыли из-за пожара, что случился там несколько лет назад. Мол, не соблюдали технику безопасности.

— А неофициально?

— Говорят, что один из врачей, работающих в больнице, был каннибалом. Разделявал людские тушки прямо на рабочем месте. А когда на его след вышла полиция, решил улики сжечь, вместе с больницей, разумеется.

— Нет! — снова запротестовала Аи. — Не пойдём! Не пойдём! Рико права, пойдём на пляж!

— Не самая лучшая затея для первого знакомства, — поддержал я Аи.

— Ну, раз вы струили, — Юри откинула прядь волос и хотела отвернуться, но в разговор включилась Харука.

«Пойдёмте в больницу».

— Ты это серьёзно? — уж от неё я такого точно не ожидал.

Харука закивала и вновь принялась что-то писать в своей тетрадке. Остальные тем временем стояли в ступоре. Уми безразлично наблюдала за всем происходящим в стороне. Аи нервно мяла ремешок от сумочки. Рико продолжала смотреть в небо, всё ещё обдумывая вопрос Юри.

«Я не боюсь идти. Мы же друзья. И если мы будем вместе, то тогда я не боюсь».

— Ну, — самодовольно произнесла Юри, — если даже Харука не боится, то вам должно быть стыдно.

— И что же мы будем там делать? — я чувствовал, как прогибаюсь под авторитет этой девчонки.

— Если проберёмся на крышу, оттуда будет отличный вид на всю деревню. Больница стоит на возвышенности и оттуда можно даже море увидеть.

— И только ради этого?

— Не только, — она подмигнула мне. — Хочу ещё кое-что проверить.

— Нет, я не пойду! — Аи не унималась. — Там страшно! Там темно! Я не хочу!

— Если хочешь, можешь остаться тут, конечно, — Юри пожала плечами. — Совсем одна. Будешь качаться на этих одиноких качелях и одиноко смотреть на эту одинокую школу.

Аи сейчас выглядела так, словно вот-вот расплачется. Она впиалась своими ноготками в ремешок и поджала губы. Эта Юри определённо переходила границы. Внутри меня что-то загорелось, мне абсолютно не нравилось, как она ведёт себя.

— Но мне страшно, Юри...

— Ну, что поделать? — девочка развернулась к подруге спиной. — Я же не виновата, что ты такая трусиха. Оставайся тогда тут одна, а мы пойдём.

— Хватит! — крикнул я. — Прекрати так разговаривать!

— А? — Юри вздрогнула.

В воздухе вдруг повисло напряжение. Даже Аи переменилась в лице и смотрела своими испуганными глазами уже на меня.

— Нельзя так разговаривать с друзьями! Если ей страшно, то мы не пойдём туда!

— Я... — голос у девочки стал дёрганым. — Да... мы не пойдём... ты... ты прав.

Из властной и наглой особы Юри вдруг превратилась во что-то жалкое. Голову она вжала в плечи, руки едва заметно затряслись, она прятала взгляд в землю.

— Тору, — сзади снова послышался голос Уми.

— Что?! Разве это дружба?!

— Я не хотела, — голос Юри превратился в шёпот. — Честно, я... я лучше пойду.

— Стой! — Аи схватила подругу за футболку. — Я согласна! Пойдём! Пойдём в

больницу!

Я хотел было возразить, но Уми отвела меня в сторону и тихо, вполголоса, принялась объяснять ситуацию:

— Я же просила тебя не кричать на Юри, — голос её не изменился, но я отчётливо улавливал её негодование.

— Но так же нельзя! Она чуть не довела Аи до слёз!

— Надо было объяснять тебе сразу, — девочка вздохнула. — Юри очень легко манипулировать. Достаточно повысить на неё голос, и она тут же соглашается с тобой. Кажется, что это очень удобно, правда? До недавнего времени все так и делали.

— Почему до недавнего?

— Этой зимой Юри попыталась повеситься. На то было много причин. Сестра её попыталась сбежать из деревни, вместе с...

Уми прервалась.

— Сбежать?

— Не бери в голову, — она резко соскочила с темы. — В общем, после этого Юри долго приходила в себя. Видел бы ты её. Ходила словно труп: ни разговаривала, ни училась, даже есть забывала. С трудом, но мы привели её в чувство, сделав вид, будто она у нас главная.

— Но это ненормально, Уми! — я оглянулся на девочек. — Даже... жестоко.

— А у тебя есть другие предложения?! — Уми нахмурилась. — Ты не знаешь, кто такая Юри. Так что, будь добр, не осуждай нас.

Я вернулся к остальным. Понемногу Юри снова приходила в себя, взгляд снова стал надменным, а тряска в руках исчезла.

— Ва! Я поняла! — Рико наконец пришла в себя. — Мы — девочки! А Тору...

Щёки у неё заиграли красным. Она отвернулась, что-то причитая шёпотом. Меня уже стали умилять моменты, когда Рико смущалась. Я был готов доводить её до румянца специально, лишь бы увидеть реакцию.

— Ну что, — Юри выдохнула. — Идёмте, а то так и до вечера можем тут просидеть.

Одинокое, забытое всеми, опороченное надписями на стенах, убитое временем — здание старой больницы одиноко возвышалось над деревушкой. Оно было похоже на древнюю сторожевую башню, откуда доблестные самураи наблюдали за врагом, но теперь здесь бродят лишь их призраки, рыскают меж этажами, меж оконными проёмами.

Крыльцо, наполовину разрушенное, просело, первые ступеньки ушли под землю. Двери были сняты с петель, и мирно лежали на полу в россыпи грязного стекла. Через дверной проём открывался вид на перевёрнутые медицинские каталки, ободранные кресла, разбитые табло.

— Говорят, кстати, — Юри взошла на крыльцо. — Что тот каннибал до сих пор в этой больнице живёт.

24/85

— Ва, — неуверенно произнесла Рико. — Всё ты врешь, Юри.

— Ну, не знаю, — она развернулась и скрылась в дверном проёме.

К моменту как мы добрались до больницы, белые облака на небе собрались в огромную серую тучу, нависшую над деревней. Раздался оглушающий раскат грома, где-то ослепительно сверкнула извивающаяся змеей молния.

Мы поспешили за Юри.

Под ногами хрустел различный мусор. То там, то здесь на полу лежали разбитые ампулы, шприцы, упаковки от таблеток, истоптанные и порванные халаты. Все предметы в коридоре и в палатах покрылись пылью.

Вновь раздался грохот, и снаружи хлынул дождь.

Впереди всех шла Юри. Кажется, её совсем не пугало это место, шла она довольно бодро и рассматривала местные достопримечательности. Рядом с ней плелась Уми. Она тоже не подавала признаков страха, однако, было заметно, что находится здесь ей неприятно.

Рико двигалась передо мной и опасно поглядывала в сторону выхода. Она силилась выглядеть храброй, но я-то чувствовал, что она лишь притворяется. Ступает аккуратно, старается не издавать лишнего шума.

Слева от меня — Аи. Она едва ли не плакала от страха. Мне всё ещё хотелось высказать Юри пару ласковых за это, но после случившегося, я всё равно не рискнул бы этого делать. Аи продолжала тревожно теревить ремешок от своей сумочки.

Справа — Харука. Заявления о том, что ей не страшно, оказались всего лишь попыткой не упасть в глазах остальных. О, Харуке было страшно. И неудивительно, если учесть, что она никогда не уходила дальше своего храма.

Мы прошли несколько лестничных пролётов и, наконец, добрались до заветного пожарного выхода, что вёл на крышу. Лестница не внушала доверия. Ржавая, хлипкая, слегка покосившаяся вправо. Первой забралась Юри.

За ней, следуя порядку, поднялась Уми. Уже на ней лестница недобро затряслась, однако всё ещё оставалась на месте. На удивление, на крышу поднялись и Рико и Аи. Но как только последняя убрала с лестницы ногу, та тут же с грохотом слетела с креплений.

Мы с Харукой остались стоять внизу. Через пожарный люк выглянула Юри. Она удручающе покачала головой.

— Ничего страшного, — послышался её голос. — В соседнем крыле есть ещё один выход на крышу. Не бойтесь, не пропустите. Просто по коридору перейдёте в восточную часть, там и найдёте.

Я перевёл взгляд на Харуку. На девочке лица не было. Она изо всех сил старалась изображать храбрость, но сейчас уже сдалась. Харука схватила меня под руку и крепко прижалась. Прижалась чем-то мягким. Я задеревенел.

— Мы скоро! — сдавлено крикнул я и повёл её в сторону коридора.

Восточное крыло старой больницы. Пол усеян золой, что перемешалась с мусором, пылью и, попавшей во внутрь через разбитые окна, водой. Стены и потолок обуглились, лишь местами сохранив свой прежний облик.

С Харукой мы двинулись вперёд в поисках пожарного выхода. Я проклинал себя за то, что поддался и всё-таки пришёл сюда. И хотя, я бы слукавил, если бы сказал, что мне неприятно от жмущейся к моему плечу Харуки, я всё равно не в восторге от всего происходящего.

Прошли мимо стойки регистрации, мимо каких-то кабинетов, мимо ординаторской. Много отсюда утащили, это было заметно с первого же взгляда. Здесь не хватает лавочки, здесь — торгового аппарата, здесь — монитора. И кому только нужны все эти вещи?

По приёмной разнёсся шорох. Странный звук, словно кто-то очень быстро скребёт ногтями по каменному полу. Источник звука доносился из кабинета офтальмолога и очень быстро приближался к нам.

Харука впиалась ногтями в мою футболку и впервые за всё это время издала что-то, отдалённо напоминающее слова. По крайней мере, она попыталась. Вместо членораздельной речи вышел лишь сдавленный звук: «а».

Девочка закрыла глаза и вся тряслась. Я также замер, не зная, что предпринять. Неужели все эти байки о каннибале — правда? Неужели так и закончится моя никчёмная жизнь?

Но вместо разъярённого маньяка в зал приёмной с сумасшедшей скоростью выскочила белка. Шерсть её перемазана в золе, на хвост, зверёк умудрился нацеплять репейника. Животное дико проскочило мимо нас и скрылось в следующем кабинете.

Харука смущённо прятала взгляд, однако отпускать меня и не думала. До сего момента, мне не представлялось возможности толком прикоснуться к противоположному полу. Не считая тех редких моментов, когда в вагоне метро образовывалась толкучка и ко мне, по счастливой случайности, могла прижаться какая-нибудь особа.

Сейчас же я ощущал мягкость тела Харуки. Казалось, словно она абсолютно невесомая, словно не составит труда взять её на руки и нести так до самого конца. Её тоненькие пальцы крепко держались за мой рукав, её грудь учащённо вздымалась.

Благодаря чудом уцелевшему указателю, мы все-таки вышли ко второму пожарному входу. Не сказал бы, что эта лестница выглядела надёжнее, но всё же надеялся, что нас двоих она выдержит. Первой взобралась Харука.

Лестница нехорошо скрипела, но всё же удержалась. Девочка толкнула металлический люк на крышу, тот со скрежетом открылся. Через пожарный ход в больницу тут же хлынули капли дождя, ещё больше разжижая золу под лестницей.

Я неуверенно поставил первую ногу. Лестница слегка качнулась. Медленно я подался вверх. Лестница вновь завибрировала. Так, останавливаясь на каждой ступеньке, я переводил дыхание и карабкался дальше.

И вот я на крыше. Дождь не переставал лить, но это уже не так важно. С крыши действительно открывался вид на всю деревню. Можно было разглядеть и школу, откуда мы пришли, и дом дяди Ёичи, и длинную линию пляжа, на который накатывались волны одна за одной.

— О, добрались, — раздался голос Юри.

Девочки прятались под небольшой вертолётной площадкой. Мы с Харукой, также поспешили спастись от холодного дождя.

Аи сидела, обняв собственные колени и потерянно смотрела куда-то вдаль. Рико облокотилась на металлическую стропу вертолётной площадки и безынтересно рассматривала унылейший пейзаж. Уми уткнулась в книгу, что всё это время несла с собой. Ну, а Юри...

Юри просто сияла от счастья.

— Ну, как вам приключение?! — она похлопала меня по спине.

— В следующий раз послушаем Рико, — буркнул я.

— Ва! — оживилась Рико. — Слышали же, в центре открыли аквапарк?

— Да, что-то такое слышала, — Уми поправила очки.

— Давайте завтра туда ходим!

— Рико, — голос Уми прозвучал мрачно. — Ты же знаешь...

Недоверчивый взгляд девочки упал на меня. Затем она продолжила.

— Ты же знаешь, что нам нельзя.

— Ва! Нам нельзя надолго! А мы же до вечера!

— Нельзя? — я чувствовал, как в воздухе снова повисло напряжение. — Почему нельзя?

Родители не отпускают?

— Да, — только дурак не расслышал бы в голосе Юри лжи.

— А точно ничего не будет? — дала о себе знать Аи. — Мы же... Хотя и недалеко, но уедем из Сатомори.

— Ва! Всё будет в порядке! — Рико стояла на своём. — Мы же уже уезжали! Тогда, на поезде!

— Рико права, — Юри облегчённо выдохнула. — Ничего не случится, если мы вернёмся к вечеру.

— Да мне кто-нибудь объяснит, что происходит?! — не выдержал я.

— Не бери в голову, Тору-кун, — Уми закрыла книгу.

День пролетел незаметно. Мы просто болтали. Рико жаловалась на трудное домашнее задание, Уми пересказывала сюжет прочитанной недавно книги, Аи без умолку пыталась всем доказать, что Яширо-кун, должен выбрать Цую-чан в новом сезоне, Юри жаловалась на парней, которые, по её мнению, были ни на что не годны.

Только Харука молчала. Молчала не потому, что не могла говорить. Молчала, потому что ей было достаточно слушать, достаточно находиться рядом с нами. Она была бы рада объяснить Рико закон Ома, попросить у Уми книжку, посмотреть и обсудить с Аи новый сезон, поворчать на парней вместе с Юри. Но она не могла. Единственное, что помогало ей — её тетрадка, которую она бережно прижимала к груди.

Харука сидела на траве, прислонившись к стволу дерева и мяла в руках упаковку от мороженого. Я подсел к ней.

— Тебе было страшно? Там, в больнице?

Девочка отрицательно замотала головой.

— Зачем обманываешь?

Она раскрыла тетрадку: «Я не обманываю».

— Обманываешь, — я видел, как краснеют её щёки. — Мне тоже было страшно.

«Я не боялась, потому что ты был рядом. Ты — мой друг, а с друзьями не страшно».

— И всё-таки, ты испугалась, — я засмеялся.

28/85

«Хочешь, завтра зайти к нам в гости?»

— И что мы будем делать?

«Я покажу тебе свою комнату. Там много всего интересного».

— Ну, если много интересного, то я согласен.

— Ва! Ивару! — Рико с обиженным выражением лица села перед нами. — Они меня обижают!

— Обижают?

— Я просто назвала тебя холериком, ты же сама тест прошла, — крикнула издали Уми.

— Видишь?! Она опять обзывается!

— Я не думаю, что Уми хочет тебя обидеть, — я едва сдерживался, чтобы не засмеяться.

— Она хочет сказать, что ты очень впечатлительная.

— Ва! — девочка схватилась за волосы. — Если я не покажу маме домашнюю работу сегодня, она меня убьёт! Ивару, Ивару! Можно я сделаю её у тебя? Я недолго, честночестно!

— Я не против, но у меня нет ни учебников, ни тетрадей.

— Там учебники не нужны, а я и на листочке могу написать, — Рико выдохнула.

Харука снова зашуршала карандашом по тетрадке: «Ты ходишь в школу?»

— Конечно, — кивнула Рико. — Все в неё ходят. Разве нет?

«Я не хожу в школу. Меня всему учит Нанаки-сан».

— Ва! Правда? Как же я тебе завидую!

«Почему? Учиться вместе со всеми — весело. Носить красивую форму, играть на переменах в игры, разговаривать и вместе решать задачи».

— Ничего подобного! — фыркнула Рико. — Тебе нужно вставать рано утром, потом сидеть и скучать семь уроков, а если ещё и дежурить придётся, то это вообще смертный приговор!

«Если бы мы были одноклассницами, я бы тебе всегда помогала».

— Хе-хе, — щёки Рико вновь заиграли красками. — Спасибо.

— Ладно, ребята, — послышался голос Юри. — Пора уже домой. Мне ещё убираться сегодня нужно.

— Давайте завтра встретимся ещё, — Аи пришла в себя и снова сияла наивностью. — И поедем в аквапарк! Только не забудьте купальники! Харука, у тебя есть купальник? Девочка коротко кивнула в ответ.

— Тогда до завтра, — голос Уми никогда не менял тона.

С Харукой мы разошлись на перекрёстке у рисовых полей. Уходя, она несколько раз оборачивалась и махала нам с Рико рукой. Она так не хотела расставаться, что останавливалась через каждый пять шагов.

Наконец, она скрылась в перелеске, и мы продолжили наш путь. В этот раз Рико вышагивала сбоку от меня и не изображала командира. Девочка загадочно улыбалась и осматривала местные пейзажи.

Через некоторое время мы уже сидели за столом в кухне. Дымились чашки с чаем, по листочку в клеточку скрипела шариковая ручка, Рико выводила неровные иероглифы, пытаясь криво-косо написать изложение по какому-то произведению.

— А где Исияма-сан? — Рико оторвалась от задания.

— Хотел бы я знать, — я пожал плечами. — Оставил только эту записку.

Я протянул девочке письмо, оставленное дядей. Она внимательно принялась читать его. Взгляд её помрачнел, она перевела его на меня, затем отложила записку.

— Что-то не так?

— Он точно не говорил тебе, куда уезжает? — голос её стал непривычно серьёзным.

— Нет.

Девочка замолчала и вернулась к своему домашнему заданию. Однако взгляд её не изменился, был всё таким же мрачным и задумчивым. Это начало меня пугать.

— Что случилось, Рико?

— Ничего, — она покачала головой и поставила точку в конце предложения. — Всё нормально, не бери в голову. Не забудь, чего завтра в два часа у школы встречаемся.

— Не забуду, — я кивнул.

Девочка свернула листочек и сунула в карман кофты. Надела ботинки и вышла на крыльцо. Она пыталась выглядеть как обычно, но что-то в ней явно изменилось.

— Надеюсь, Исияма-сан скоро вернётся, — сказала она напоследок.

— Я тоже.

Рико широко улыбнулась мне, помахала рукой и быстро побежала в сторону рисовых полей. Что с ней случилось? Кажется, они все знают что-то, чего не знаю я.

Я снова поднялся на второй этаж и выдвинул ящичек с деньгами. Все были на месте. Я снова пересчитал несколько первых кип. Может, стоит позвонить родителям? Тогда они сразу же примчатся сюда и моё лето будет окончательно уничтожено. Ну уж нет, лучше оставить это в тайне.

Я задвинул ящик обратно, спустился на первый этаж и зашёл в комнату дяди Ёичи. На стенах различные натюрморты, пейзажи в красивых расписных рамках. Тумбочка с ночником, какая-то недочитанная книжка и широкая двуспальная кровать. Стянув с себя верхнюю одежду, я завалился на неё и укрылся тёплым пуховым одеялом.

Сон навалился мгновенно.

Глава III

Третий день снова начался с визита в храм. Пожалуй, ещё немного и мне в пору самому становиться жрецом. То-то мои родители обрадуются, когда вместо института я облачусь в кимоно и пойду расставлять благовония.

Сегодня на главной площади храма было не так спокойно, как в предыдущие разы моего здесь пребывания. Рядом с молитвенным дворцом стояли Нанки-сан и доселе незнакомый мне мужчина. Простенький кожаный жакет, тёмные штаны со стрелками и белые перчатки на руках. Волосы у незнакомца были аккуратно подстрижены и зачёсаны набок. Лицо суровое, тяжёлое.

— Вы же всё знаете, — говорил он жёстко, — всегда знали, как от этого избавиться.

— Комаэда-сан, — прохрипел священник, — всё, что мы, служители храма, знали, рассказали ещё давным-давно.

— Ложь, — голос у мужчины был спокойным, но он явно был недоволен. — Почему вы не приходите туда вместе со всеми? Почему только храмовники избегают этой участи?

— Если бы мы знали, Комаэда-сан. — Нанакки развёл руками. — Ками защищают нас, быть может. Мы им нужны, быть может.

— Врёшь, старик, — мужчина развернулся, но сделал вид, что не замечает меня. — Виляешь, прячешь что-то. И верь мне, если тени не доберутся до меня, я узнаю в чём дело.

— Боги вам в помощь, Комаэда-сан, — жрец едва заметно улыбнулся.

Мужчина фыркнул и быстрым шагом направился к выходу. Лакированные ботинки громко стучали по каменной кладке площади. Совсем скоро он скрылся из виду. Как только силуэт незнакомца пропал, меня, наконец, заметили.

— Тору-кун, — Нанакки продолжал добродушно улыбаться. — Ты, верно, к Харуке? Она мне всё вчера рассказала.

— Да? — когда священник обращался ко мне, я почему-то начинал нервничать. — Надеюсь, только хорошее.

— Я давненько не видел её такой счастливой, — жрец хрипло рассмеялся. — Но всё же, лучше не ходите больше по таким опасным местам.

— Этот человек, с которым вы разговаривали, — я решил перевести тему. — Кто он?

— Комаэда-сан — глава деревенского совета, — Нанакки горестно вздохнул.

— Вы о чём-то спорили?

— Нет, ничего важного, — священник снова натянул улыбку на лицо. — Не бери в голову, Тору-кун.

— Не брать в голову? — я слишком часто начал слышать эту фразу. — Хорошо.

— Харука ждёт тебя в своей комнате, — мужчина указал на пристройку рядом с храмом, — беги к ней.

Не брать в голову, что? О чём все они говорят? Куда уехал дядя Ёичи? Что это за деньги? Почему так много вопросов и нет ни одного ответа? За размышлениями я и не заметил, как оказался у входа в пристройку.

Выдохнув, я неуверенно постучал в простенькую деревянную дверцу. Не прошло и минуты, как передо мной предстала Харука. Девочка снова облачилась в юкату, ноги, правда, были у неё босые. Она приветливо мне улыбнулась.

— Можно пройти?

Харука закивала головой, открывая дверь шире и впуская меня внутрь своего жилища. Мягкие разноцветные пуфики, старенький телевизор и DVD проигрыватель, куча плюшевых игрушек: от традиционных медвежат, до неизвестных и странных на вид существ; пыльные диски с различным аниме, завалы манги и *ранобэ, рисунки на стенах: в большинстве своём это были чёрно-белые портреты людей, среди которых я обнаружил и Рико. Видимо, Харука нарисовала его вчера.

Девочка схватила свою тетрадь: «Садись, где тебе удобно. Я сейчас принесу что-нибудь».

— Да не стоит... — я расположился на одном из пуфиков.

Она отрицательно помотала головой и выбежала на улицу. У меня было время, чтобы рассмотреть комнату получше. Недалеко от телевизора стоял шкафчик, вероятнее всего с одеждой. На полу, рядом с завалами манги, лежало несколько коробок с настольными играми. Манга же, как и ожидалось, в основном — *сёдзэ. В основном любовная. В основном про дворецких.

В комнате пахло благовониями, через небольшое окошко на деревянный паркет падал солнечный свет. Под самим же окошком лежал незаправленный futon. Там же, рядом с матрасом, находился небольшой столик, на котором расположился будильник в виде милой кошечки.

Харука вернулась через пару минут, в руках она несла две чашки, одна из которых была немного треснута, и небольшой дымящийся чайник. На лице всё это время у неё сияла улыбка. Такая наивная и детская, от которой становилось тепло на душе.

Она пододвинула столик с будильником и сама села поближе ко мне. Зажурчала тонкая струйка чая, наполняя чашки ароматным напитком, видимо, выдержанным следуя всем традициям японского чаепития.

Я сдержанно поклонился в знак благодарности и отхлебнул. Во вкусовых изысках я был несведом, не знал, как и сколько должен завариваться чай, какой у него должен быть вкус, как он должен пахнуть. Но чай Харуки показался мне достаточно вкусным.

Сквозь тонкие стены пристройки слышалось пение птиц, жужжание цикад. А мы молчали. Лучики утреннего солнца бегали по улыбчивому лицу Харуки. Часы в виде кошки ровно тикали.

— Ты что-то хотела мне сказать? — стало неуютно от пронизывающего взгляда девочки.

Харука покраснелась: «Я хочу тебе кое-что подарить».

— Правда? Не стоит...

Она вновь отрицательно замотала головой и полезла в шкафчик, что стоял рядом с телевизором. Довольно долго Харука рылась в вещах, пока наконец не достала нужную ей вещь. Девочка протягивала мне обычный сувенирный кулончик в виде закрытой книжки, на которой изображён *кандзи — месяц.

Такие продаются в каждом втором сувенирном магазинчике и стоят в районе сорока йен за штуку. Небольшой подарок, но Харука, кажется, отрывала его от самого сердца.

— Спасибо, — я попытался его взять, но девочка отдернула руку.

Она встала с пуфика, зашла мне за спину и самолично водрузила кулончик на мою шею. Он оказался совершенно невесомым, я едва ли чувствовал его присутствие. Однако прикосновение рук Харуки, заставило меня вновь задревенеть.

Мягкие и гладкие, они ловко завязали шнурок в узел. Сегодня её руки были тёплыми, не такими, как вчера. Я бы не удивился, если бы узнал, что Харука всю жизнь занималась икебаной. Она снова вернулась и села передо мной.

— Красиво, — я взвесил кулон на ладони.

«Не хочешь посмотреть аниме?»

Девочка указала на стопку дисков недалеко от проигрывателя.

— Ты их, наверное, все уже пересмотрела, — я с недоверием косился на её коллекцию.

«Я люблю пересматривать. Если хочешь, можешь выбрать сам».

Я подполз к дискам. Как и ожидалось, снова сёдзе. Много сёдзе. Я перебирал коробки со слащавыми лицами главных героев. К своему удивлению, нашёл даже откровенно яойный тайтл, но смолчал. После долгих поисков, наконец, выудил что-то нейтральное — «Моя сестрёнка пытается быть милой».

И мы смотрели. Харука смеялась. Она хотела смеяться. Она могла смеяться. Сдавленно, слегка хриловато, но смеялась. Над каждой шуткой, пускай даже не смешной, пускай даже глупой — она смеялась. Она хотела показать мне, что всё может. Хотела показать, что может всё пересилить. Хотела показать, что однажды она заговорит. Однажды она всё мне расскажет.

А я сидел рядом и улыбался. Не над шутками в аниме. Нет. Улыбался, потому что также хотел улыбаться. Что мне ещё оставалось делать? Не знаю, что от меня здесь скрывают. Но знаю, что Харука всегда со мной откровенна. Откровеннее всех.

Очередная шутка. Харука хихикнула и попыталась мне что-то сказать, однако вышел лишь протяжный хриплый звук — «а». Она ещё какое-то время улыбалась. А затем улыбка медленно перешла в трясущиеся губы. Снова.

Она сдерживалась. Сдерживаюсь, чтобы не заплакать прямо здесь, прямо сейчас. Глаза её намокли и она, утерев их своим маленьким кулачком, отвернулась, уставившись в экран телевизора.

— Ничего страшного, — я подсел ближе. — У тебя получится. Когда-нибудь... когданибудь ты поправишься.

Она коротко кивнула и остановила аниме. Харука вытянула руку и указала на стрелки часов. Уже совсем скоро мы должны были собираться у школы.

Харука поднялась с пуфика, улыбнулась мне и вновь показала тетрадку: «Мне нужно собраться. Встретимся у школы».

— Конечно. Я пойду тогда?

И в очередной раз она кивнула.

Автобус был пустым. Мы расположились на задних сиденьях и нетерпеливо ожидали, когда окончится поездка. По словам Уми, центром называют небольшой городок, что расположился недалеко от Сатомори. Место это для местных, сродни Акибе в Токио. Магазины одежды, всяческие развлечения и техника — всё находилось в центре.

Мимо проносились небольшие перелески, да редкие одинокие домики. Было заметно, что деревня когда-то разрасталась, однако сейчас этот процесс почему-то остановился, поэтому иногда в поле зрения попадали заброшенные стройки, огороженные высоким забором.

Даже для сельской трассы машин было слишком мало. Вернее сказать, за весь наш путь

я не видел ещё ни одной. Кроме, разве что, фургончика, что вёз какие-то продукты в сторону деревни.

Спустя около получаса езды, автобус резко затормозил у остановки, открыл свои двери и отпустил своих единственных пассажиров на волю. Городок оказался не впечатляющим, особенно после Токио.

Невысокие трёхэтажные монолитные строения, парочка продуктовых магазинов, несколько лавок с мерчендайзом, сувенирный ларёк, муниципальная серенькая школа и возвышающиеся вдалеке разноцветные горки аквапарка.

Как только мы выбрались на свежий воздух, девочки бросились в рассыпную, оставив меня стоять в ступоре. За кем мне идти? Что мне делать? Если не собрать девчонок сейчас, то мы можем и не успеть в этот аквапарк.

Уми прилипла к стеклу книжного магазина, с вождением смотря на обложку книги с не особо ясным названием — «Шекспир на пляже». Девочка явно не хотела оставлять желаемое даже на минуту.

— И долго ты на неё смотреть будешь?

— Не знаю, — холодно ответила она. — В нашей библиотеке очень мало современной литературы... Но у меня с собой деньги только на аквапарк.

Что мне остаётся делать в подобной ситуации? В магазине пахло освежителем воздуха. Дешёвым освежителем воздуха. У прилавка, лениво подперев голову руками, сидел мужчина средних лет с заросшим щетиной лицом. При виде меня он взбодрился и попытался приветливо улыбнуться. Вышло не очень.

Я молча взял книгу, пробил её на кассе, выложил тысячу шестьсот йен и с облегчением вышел обратно к Уми, вручив ей столь ожидаемое чтиво. Сперва она лишь неоднозначно косилась на меня, затем прижала книгу к груди и едва разборчиво буркнула:

— Спасибо.

Рико с задумчивым видом стояла у прилавка с разноцветными упаковками сладостей: жвачки, леденцы, мороженное, шоколадки, попкорн, сахарная вата. Достанься ей те деньги, что пылятся в доме дяди Ёичи, она бы не раздумывая скупила здесь всё и в этот же день заработала себе диабет.

— Вам что-нибудь посоветовать? — молоденькой продавщице уже надоело ждать, когда мысленные процессы Рико наконец закончатся.

— Сливочное мороженное и сахарной ваты, — я протянул девушке четыреста Йен.

— Ва! — глаза Рико радостно запыхали. — И шипучки! Той, которая кислая!

— И шипучки, — со вздохом я протянул ещё сто Йен.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Харука и Аи, как и ожидалось, зависли в одном из аниме-ларьков. Харука бегала от одной стойки с фигурками к другой, с жадностью в глазах листала мангу и подолгу рассматривала различные плакаты. Аи же, с остервенением перебирала диски с различными спешелами и доставала молодого паренька в очках вопросами, на которые, по всей видимости, он ответов не знал.

Так из моего кармана уплыли ещё четыре тысячи йен, а у Харуки и Аи прибавилось по новой фигурке.

Юри мы искали долго. Бродили по местным магазинам, пытаюсь выследить её ядовито-жёлтую, совершенно безвкусную футболку. Однако, на удивление, нашлась она в местном бутике с одеждой. Крутилась у зеркала в довольно симпатичном топе.

Что же, мой кошелек стремительно пустел, ибо к новому топику необходима была и новая юбка. К тому же, Рико углядела в магазине фирменные кеды и не уходила до тех пор, пока не выудила из меня ещё парочку йен. Удивительная наивность.

Наконец, собрав всех вместе, мы целенаправленно двинулись ко входу в аквапарк. Не сказал бы, что он был каким-то необычным. Горки не такие уж и высокие, бассейн, по тем меркам, в которых мне удавалось бывать, очень скромный.

Но, судя по удивлённым лицам моих спутниц, даже такое, казалось бы, простенькое зрелище, вызывало у них эйфорию. Неужели они и вправду никогда не выезжали дальше своей деревни? Неужели никогда не видели аквапарков крупнее этого?

Раздевалки. Нет, не раздевалки — ширмы. На нормальные кабинки, видимо, не хватило средств. Очереди, как и ожидалось, не было. Да и вообще, посетителей здесь около десятка человек. Двое из которых дети лет пяти, а трое старики за шестьдесят.

Свою одежду я аккуратно сложил в кабинку, дверца которой была столь хлипкой, что даже Аи смогла бы вырвать её с третьей попытки. Но, раз других альтернатив у меня нет, будем пользоваться тем, что дают.

Шлёпая босыми ногами по мокрому кафелю, я вышел напрямик к бассейну. Привёл ли я себя в форму к лету? Вопрос риторический и совершенно недостойный ответа. Потому я, пожалуй, промолчу.

Первой из женской «раздевалки» выскочила Рико. До этого она всегда носила одежду на пару размеров больше, отчего трудно было оценить её фигуру. Что же, теперь я с уверенностью могу сказать, что недостаток эрудированности с лихвой восполняют её формы.

Бледно-голубой открытый купальник выглядел крайне старомодно и, скорее всего, донашивался за кем-то. Однако купальник — последнее, на что вы будете обращать внимание в такой ситуации. В плане физического развития Рико могла дать форы своей учительнице. Просто преступление — иметь такую фигуру в семнадцать лет.

Девочка стремительно пролетела мимо и с разбегу залетела в бассейн, окропив меня, и всех сидящих поблизости, брызгами. Через секунду над водой всплыла её голова и радостное до невозможности лицо.

— Ва-а-а! — оглушительно прокричала она. — Ты чего стоишь? Прыгай!

— Д-да, — я нервно улыбнулся. — Сейчас.

Следующей из-за ширмы выбралась Аи. Здесь уже купальник первым бросался в глаза. Полузакрытый, нежно-розовый, с рюшами. Скажем так, будь я в числе лоликонщиков, Аи стала бы моей фавориткой. Маленький рост, вкупе с отсутствием вообще каких-либо форм, узкие плечи, заплетённые в пучок волосы. Если бы я не знал её, то ни за что бы не поверил, что она ровесница Рико.

Семенящим шагом Аи подбежала к воде. Девочка аккуратно опустила туда пальцы ног, но тут же отдернула их. Затем, она попробовала ещё раз, но снова неудачно. За всем этим хищно наблюдала Рико.

Когда Аи и в следующий раз не смогла опуститься в воду, что-то крепко ухватило её за стопу и насильно потащило на дно. Девочка потеряла равновесие и с жутким визгом свалилась напрямик в бассейн. Очередная порция брызг.

Рико, злорадно хохоча, вынырнула из-под воды и тут же получила неуклюжий удар по макушке. В ответ подруга также занесла руку. Меня снова окотило волной прохладной хлорированной воды. Те, кто сидел неподалёку от нас, с ворчанием перебрались подальше.

Уми. Как и ожидалось — школьный закрытый купальник. Волосы она также, как и Аи, собрала в пучок. Здесь совершенно ничего не бросалось в глаза. «Ничего» от слова «совсем». Уми была словно призрак. Будь здесь немного больше народу, она, наверное, потерялась бы среди толпы.

Не спеша, она опустилась в бассейн и завалившись на спину, закрыла глаза. Вода медленно уносила её куда-то в центр.

Выйдя из-за ширмы, Юри бросилась к горке. Потому заметил я её, вздымающейся по лестнице наверх. Из всех, кого я сегодня видел, Юри, пожалуй, была идеальной серединой. Она во всём соответствовала своему семнадцатилетнему возрасту. Фигура не такая вызывающая, как у Рико, но и не совсем уж детская, как у Аи. Ещё бы лицо попроще, и я мог бы даже влюбиться.

Я снова замер. Кто-то аккуратно прикоснулся к моей спине. Хотя эти ощущения я уже ни с чем не спутаю. Харука смущённо прятала глаза и, видимо, хотела мне что-то сказать. Однако тетрадки у неё с собой не было, поэтому наш диалог превратился в угадайку.

— Тебе не нравится здесь?

Девочка отрицательно замахала головой. И продолжала загадочно прятать от меня глаза. Она подняла руку к груди и сделала пару круговых движений.

— Я не понимаю.

Пока Харука пыталась мне что-то объяснить, я оценивал и её наряд. Явно недорогой, купленный в каком-нибудь секонд-хенде купальник в цветочек. Как и лицо, тело Харуки выглядело болезненно. Бледная кожа и худоба. Конечно, если привести её в норму, она бы не уступала ни Рико, ни Юри. Однако сейчас, на неё было больно смотреть.

Наконец, она обречённо вздохнула и вытянув руку, указала на горку.

— Ты хочешь скатиться?

Она кивнула.

— Ну так беги, в чём проблема?

Харука указала на меня, затем на себя и снова на горку.

— Хочешь скатиться со мной?

Она снова кивнула.

Горка и вправду была невысокой. Однако, когда мы всё же взобрались на неё, Харука никак не решалась съехать. Она уселась на край и, поджимая губы, ёрзала на месте. Я сел рядом. Благо, народ это место не облюбовал, и никто нас не торопил.

— Неужели, ты боишься?

Харука замотала головой, уверяя меня, что совершенно не боится. Хотя её уверенность быстро сошла на нет и она в очередной раз, едва заметно, кивнула. Я легко подтолкнул её. Девочка начала медленно сползать вниз.

— Я прямо за тобой.

Когда обратного пути уже не было, я заметил, как она крепко зажмурила глаза и неловко выставила руки перед собой. Вниз она скатилась за считанные секунды. Харука плюхнулась в воду лицом вниз и тут же всплыла, пытаясь отдышаться.

Стоило ей показаться из воды, как Рико оказалась прямиком перед ней и потащила куда-то в другой конец бассейна. Туда, где Аи и Юри лениво перебрасывали друг другу разноцветный лёгкий мяч.

Ещё некоторое время я наблюдал за резвящимися девочками. Они разительно отличались от моих одноклассниц. И дело даже не в том, что они никогда не видели

аквапарков, ездят на самодельных велосипедах и не стесняются изношенной одежды. Их отличает странная, присущая только жителям деревень, наивность. Их улыбки существуют не для того, чтобы засмущать молодого учителя и выпросить у него «отлично». Их смех не едкий и не надменный, а простой, человеческий. И дружат они почеловечески, не ради выгоды, не ради статуса.

Я скатился с горки.

Когда мы вернулись в Сатомори, на холмы опустился ночной мрак, после купаний прохладный ветер пробирал до костей. Мы разошлись у школы. Условились встретиться здесь и завтра. В этот раз целью должен был стать пляж.

Весь остальной путь до перекрёстка мы шли с Харукой. Она бережно несла с собой фигурку, что я купил ей, и с горящими глазами рассматривала её со всех сторон. Харука была счастлива. Счастлива не столько от самой фигурки, сколько от того, что её подарили.

— Не хочешь зайти ненадолго?

Девочка остановилась, обдумывая ответ. Затем всё же раскрыла свою тетрадку и зашуршала карандашом: «Нанаки-сан будет волноваться, если я не приду вовремя».

— У Нанаки-сана есть телефон?

Она кивнула.

— Тогда мы напишем ему, что ты немного задержишься.

Харука неуверенно топталась на месте, смотрела то на меня, то, куда-то в сторону храма. Наконец, раздался скрип карандаша по бумаге: «Только ненадолго». Внизу был подписан телефонный номер, видимо, Нанаки-сана.

Я вытащил из кармана телефон и принялся ловко набирать сообщение. Пока писал, заметил, как Харука с интересом разглядывает это чудо техники. Когда я закончил, она открыла тетрадку:

«У Нанаки-сана телефон с кнопками. Почему на твоём их нет?»

— Технологии, — я заулыбался, но словил на себе непонятливый взгляд. — Смотри сюда.

Я запустил простенькое антистресс-приложение, в котором нужно было лопать шарики и протянул телефон Харуке. Девочка неуверенно, будто боясь сломать, тыкнула в экран. Шарик лопнул, телефон завибрировал. Улыбка. Она снова тыкнула в экран.

В итоге всю оставшуюся дорогу Харука не отрывалась от моего телефона, лопая шарики. Мне даже стало неудобно забирать его у неё, когда мы наконец пришли к дому, но этого делать и не пришлось. Она с радостным лицом протянула телефон назад и благодарно поклонилась.

Харука опустилась на диван напротив телевизора и с интересом принялась разглядывать дом. После её комнатухи он казался ей большим. Это было заметно по её потерянному взгляду. Такой взгляд бывает у людей, которые после тесных квартир, попадают в большие замки-музеи. Когда не знаешь, куда лучше посмотреть.

Я поставил на кофейный столик две чашки чая и отрыл в кухонном ящичке дядины конфеты, что он ставил перед нами в первый день моего приезда. Харука зашуршала фантиком, достала конфету и аккуратно, прикрывая рот ладонью, распробовала её. Конфеты ей понравились. Понравились так сильно, что спустя минуту на столе лежала куча

разноцветных фантиков.

Она долго и упорно смотрела на широкий экран телевизора. Видимо хотела включить, но стеснялась. Я решил не дожидаться того момента, когда она наберётся храбрости попросить и щёлкнул кнопкой пульта.

По центральному каналу шли новости, за ними какая-то передача о животных, на следующем какой-то *ситком. Я хотел было переключить, но Харука остановила меня, она увлечённо следила за происходящем на экране.

Время всё шло, а мы всё смотрели этот странный, не особо смешной ситком. Однако, Харуке нравилось. За окном уже опустилась поздняя ночь, стрелки часов стояли на половине двенадцатого. А мы всё смотрели.

Десять минут первого. Харука устало повалилась мне на плечо и тихо засопела. Постепенно и меня начало клонить в сон, глаза слипались, сознание мутнело. Я и не заметил, как вскоре заснул. Заснул под убаюкивающее сопение Харуки.

Примечание

**Кандзи - китайские иероглифы, используемые в современной японской письменности наряду с хираганой, катаканой.*

**Месяц -*

**Сёдзе - аниме и манга, рассчитанные на особую целевую аудиторию — девушек в возрасте от 12 до 18 лет. В центре сюжета, как правило, находится девочка или девушка и вопрос её становления как личности, часто присутствуют любовные отношения разной степени близости.*

**Ситком - разновидность комедийных радио- и телепрограмм, с постоянными основными персонажами и местом действия. (прим. "Теория большого взрыва", "Клиника")*

**Ранобэ - разновидность популярной японской литературы различных жанров (от любовных романов и научной фантастики до ужасов), отличающейся преимущественно фантазийным сюжетом, обилием диалогов, иллюстрациями в стиле аниме и манга, и ориентированной в основном на подростковую и юношескую аудиторию*

Глава IV

Я проснулся от странного запаха. В доме жутко пахло чем-то горелым. Естественно, я сразу подумал о пожаре, однако никаких признаков огня не было. За окном стоял непроглядный густой туман, но не белый, как это обычно бывает по утрам, а тёмно-серый, словно грязный.

Харука всё ещё мирно сопела у меня под боком. Я аккуратно толкнул её в плечо. Девочка с трудом открыла слипающиеся после сна глаза и потёрла их кулачками. Сонно осмотревшись и с ужасом осознав, что до сих пор находится у меня дома, она засуетилась, поднялась с диванчика и хотела было убежать, не сказав мне ни слова, но я её остановил.

— Харука, стой, — я схватил её за руку. — Ничего страшного не случилось.

Она дрожащими руками открыла тетрадку и принялась скрипеть карандашом по бумаге. В этот раз иероглифы она выводила криво и панически дёргано: «Мне нельзя ночевать вне храма! Нанаки-сан запрещает мне ночевать вне храма!»

— Не убьёт же он тебя, — я всё ещё держал её за руку, — пойдём вместе и всё ему объясним.

Девочка недоверчиво посмотрела мне в глаза и кивнула. Я натянул на ноги кроссовки, и мы вышли наружу.

То, что я сперва принял за туман, оказалось дымом. Отовсюду несло гарью, но пожара нигде не наблюдалось. Из-за тёмного, непроглядного смога не было видно ни небо, ни солнце. Тусклый свет едва-едва пробивался сквозь эту дымовую завесу.

Мы осторожно шли по тропинке вдоль ручейка. Вода в нём сегодня тоже была необычной, имела какой-то чёрный оттенок, словно туда подмешали чернил. К тому же, течение ручья точно замедлилось, отчего вода казалась ещё более вязкой.

Перекрёсток у рисовых полей. Тут, оперевшись на свой велосипед, стояла Рико. Взгляд у неё был напуганный и какой-то потерянный. Она заметила нас сразу, как только мы вышли к развилке.

— Тору, Харука, — тон её был неестественно серьёзным. — Вы в порядке? Ничего не видели по пути сюда?

— Рико, что случилось? Почему везде дым?

— Я мало об этом знаю, — она покачала головой. — Только то, о чём меня предупреждали родители.

— Предупреждали?

— Идёмте в школу, Ханакири-сенсей нас ждёт.

— Харуке нужно в храм. Нам необходимо объяснить Нанаки-сану... — меня прервали.

— Сейчас вы в храм не попадёте.

— Почему? — ситуация удивляла всё больше.

— В это... в такое время нельзя ходить в сторону храма. Вы его просто не найдёте.

— Бессмыслица какая-то, — я нахмурился. — Что значит: «не найдёте»?

— Я же говорю, я мало знаю об этом, — Рико оглянулась на рисовые поля. — Ханакирисенсей всё нам объяснит.

«Нанаки-сан будет волноваться!»

— Идёмте быстрее, — Рико проигнорировала, трясущую тетрадкой Харуку.

На улицах деревенских не было. Видимо, все попрятались в домах. Окна занавешены, двери и калитки плотно заперты. На заборчиках развешаны какие-то амулеты и обереги. Творилось что-то определённо ненормальное.

Мы втроём добрались до здания школы. Дверь в неё также была плотно закрыта. Рико ритмично отбила кулачком дробь. С другой стороны зашумел засов и дверь открылась. На пороге стояла Уми. Выражение на её лице, похоже, никогда не менялось.

— Быстрее, — полушёпотом прохрипела она.

Снова длинный школьный коридор, вереница однообразных кабинетов. Наши шаги гулким эхом отталкивались от стен пустующей школы. Спустя некоторое время мы наконец достигли нужного нам кабинета.

Здесь все были уже в сборе: Юри, Аи и Ханакири-сенсей. Мы вчетвером расселись по партам и приготовились слушать. Учительница также была обеспокоена, но страха на её лице заметно не было. По крайней мере, в привычном понимании этого слова.

— Дети, — негромко, но чётко начала она. — Возможно, вас пугает ситуация, в которой мы с вами сейчас находимся.

Гробовое молчание.

— Давайте я расскажу вам, что же сейчас происходит, — женщина села за учительский стол и сняла очки. — Это событие принято называть — *Хинай. Каждый год, летом, все жители Сатомори, начиная с семнадцати лет, попадают в Хинай.

— И что это значит? — Юри сидела за самой последней партой с угрюмым выражением лица.

— Возможно, ваши родители, рассказывали что-то об этом, но давайте я поясню вам подробно, — Ханакири вздохнула. — Хинай — сон. Очень реалистичный сон. Сейчас вы сладко спите в своих кроватках, как и ваши родители. Однако, несмотря на общую иллюзорность всего происходящего, Хинай — опасен. Очень опасен, дети.

— А подробнее?

— Само по себе нахождение здесь не несёт никакой угрозы. Опасны здесь... как бы выразится точнее? Тени.

— Тени? — Рико сидела передо мной.

— К счастью, вам они ещё не встречались, — Ханакири продолжала, — тени — небольшие тёмные шарики, размером с вот эту парту. Никто не знает, имеют они разум или же нет. Единственное, что мы знаем, так это то, что при виде человека они стремятся пройти сквозь него.

— И что бывает, когда тень проходит сквозь человека?

— Человек умирает, — жёстко констатировала женщина. — Умирает как во сне, так и в реальности. Умирает очень болезненно. Поэтому, прошу вас, не выходите за пределы школы. Здесь безопаснее всего.

Харука встала из-за парты и подбежала к учительнице, держа впереди себя тетрадку. Я не видел, что там было написано, но прекрасно знал, что может спросить у неё Харука.

— Прости, дорогая, — Ханакири слабо улыбнулась. — Ты сейчас спишь. А здесь, в Хинае, храма просто не существует.

Харука обречённо опустила руки и поплелась обратно за парту. Она осела на стул и сокрушённо повесила голову.

— И ещё, раз сложилась такая ситуация, — в голосе Ханакири проскользнула нотка неуверенности. — Раз уж ты, Тору-кун, попал в Хинай вместе со всеми...

— То? — я напрягся.

— Боюсь, теперь ты не сможешь покинуть Сатомори.

— В смысле?

— Те, кто побывал здесь, не могут безопасно покинуть нашу деревню, — женщина прятала глаза. — Я не знаю, почему, но любой, кто пытается уехать, трагически погибает на следующий же день. Покидать Сатомори, можно лишь до двенадцати часов. Если задержаться, ничего хорошего не жди.

— Это какие-то глупости, — я отказывался верить в слова Ханакири. — Мой дядя уехал...

— Прости за прямоту, — голос её звучал всё более дёргано. — Но, я не уверена, что Исияма-сан до сих пор жив.

Что-то кольнуло в сердце. Я не верил, не хотел во всё это верить. Полные глупости и полный бред. Мой дядя умер? Я застрял тут навсегда? Нет. Это не так. Меня просто разыгрывают. Пытаются напугать. Хинай? Что это такое?

— И что нам сейчас делать? — пугающе спокойным голосом спросила Уми.

— Сидеть и не высовываться, — всё ещё слегка дёргано отвечала учительница. — Желательно не шуметь. Постарайтесь отвлечься, займитесь какими-нибудь тихими делами.

— Вы это серьёзно? — недобро усмехнулась Юри. — Заняться своими делами? В такойто обстановке?

— Хочу домой... — раздался тихий голосок Аи. — Хочу домой!

— Кстати, — я попытался собрать волю в кулак и во всём разобраться. — А как так случилось, что вы оказались в школе?

— Это было ближайшее к нам здание, — пожала плечами Юри. — Потому сюда и стянулись.

— Выходит, вы заснули где-то недалеко?

— Здесь всё равно, где и с кем ты засыпаешь, — включилась в беседу Ханакири. — Хинай сам выбирает место вашего пробуждения.

— Но мы с Харукой проснулись там же, где и засыпали.

— Возможно, вам просто повезло, — учительница развела руками.

— И что делала Рико на перекрёстке?

— Когда мы здесь собрались, она вызвалась тебя найти, — женщина встала из-за стола и подошла к окну. — Я отговаривала её. Но это же Каватсуки Морики. Если ей что-нибудь взбредёт в голову, то её даже танком не остановишь.

Я перевёл взгляд на Рико. Ожидаемо, она прятала покрасневшее лицо. Однако, сейчас мне было далеко не до румяных девичьих мордашек. Я пытался собраться с мыслями и хорошенько обдумать сложившуюся ситуацию.

— Настоятельно советую вам чем-нибудь заняться, — повторилась Ханакири. — Иначе, дожидаться конца будет очень трудно.

— А когда будет этот конец? — Поинтересовался я.

— Случается по-разному. Может, всё кончится через час, а может и позже. В последний раз Хинай держался около семи часов. Пожалуй, он был самый долгий по продолжительности.

— Я не представляю, чем можно сейчас заниматься. Ничего не идёт в голову...

— Вы просто ещё не привыкли, — Ханакири улыбнулась. — Раз вы не можете отвлечься сами, давайте, я покажу вам игру.

— Игру, — хмыкнула Юри. — Вы серьёзно, Ханакири-сенсей?

— Абсолютно. Тору-кун, помоги освободить немного места.

Я и Ханакири-сенсей, отодвинули к стене несколько парт. Затем женщина взяла кусочек мела и начертила им на полу широкий круг. Все смотрели на неё с откровенным непониманием. Я не был уверен, что кто-то из присутствующих в классе согласится сейчас играть во что-то.

Женщина села в начерченный круг.

— Ну, кто будет играть?

Несколько секунд все буквально сидели в ступоре. Первой решилась Аи. Она на трясущихся ногах подошла к учительнице и также нервно уселась в круг. За ней последовала Харука. Девочка подняла голову с парты и, по всей видимости, от отчаяния, согласилась на игру.

— Кто-то ещё? — Ханакири не переставала улыбаться.

Следующими в круг вошли я и Рико. Юри и Уми же, остались при своём и участвовать в игре отказались.

— Правила очень просты, — женщина улыбнулась. — Эта игра поможет нам лучше узнать друг друга, а также, немного отвлечься от плохого. Смысл в том, что я озвучиваю какой-нибудь факт из вашей жизни. Если это правда, то вы выходите из круга, если ложь, то право озвучивать переходит к вам.

— Вы же с самого начала в проигрышной ситуации. Как много вы знаете обо мне или Харуке? — я постарался улыбнуться, хотя на душе всё ещё было тяжело.

— Не беспокойся, Тору-кун. Я учитель — я всё и обо всех знаю, — глаза у неё сверкнули. — Начнём с Каватсуки-чан.

Рико напряглась.

— Я знаю наверняка, что ты, до сей поры, не закончила своё домашнее задание.

Рико поджала губы, покраснела, не то от стыда, не то от напряжения. Однако, Каватсуки всё же сдалась и неуклюже выползла из круга.

— Я делала её. Тору подтвердит! Я у него дома делала!

— Комаэда-чан, — Ханакири перевела взгляд на Аи. — Я знаю наверняка, что ты тайком читаешь мангу на уроках, прикрывая её учебниками.

Однако, девочка не реагировала. Она всё ещё находилась в какой-то прострации, покачивалась из стороны в сторону. Взгляд Аи устремлён в одну точку, глаза помутнели. Кажется, она даже не понимала, что именно ей говорят.

— Уми, — женщина обратилась к сидящей в конце класса девочке. — Принеси из шкафчика с учебниками какой-нибудь томик манги.

— Вы храните в классе мангу? — удивился я.

— Конфискованную, — улыбнулась Ханакири.

Через минуту Уми несла в руках нетолстый томик. Судя по обложке, очередная школьная повседневка. Ханакири приняла книжку и аккуратно протянула её Аи. Та, в свою очередь медленно перевела на обложку опустошённый взгляд.

— Не бойся. Сегодня я разрешаю тебе почитать в классе.

Девочка трясущимися руками взяла мангу, вышла из круга и уселась за одну из парт, уставившись на чёрно-белые картинки. Тем временем игра продолжалась.

— Я тоже буду играть, — вдруг решила Юри.

Она резко поднялась со стула и решительно вошла в круг. Ханакири слегка занервничала, но виду старалась не подавать.

— Очень хорошо, — она в очередной раз улыбнулась. — Ха...

— Может, попробуете сыграть со мной? — Юри не дала учительнице договорить.

— Х-хорошо, — голос женщины дёрнулся. — Я знаю наверняка, что ты... что ты...

— А знаете, что я знаю наверняка? — Голос Юри звучал строго. — Что вы нам что-то недоговариваете. Пытаетесь что-то от нас скрыть, Ханакири-сенсей?

— Юри. Я ничего от вас не скрываю. Я хочу помочь вам приспособиться.

— Неправда, — девочка нахмурила брови. — Вы врёте, Ханакири-сенсей!

За окном что-то промелькнуло. Это заметил только я, ибо в классе назревал скандал. Юри расходилась всё больше. Она сжала кулаки и пристальным взглядом пилила растерявшуюся учительницу.

Я поднялся с пола и выглянул в окно. Это был первый раз, когда мне довелось увидеть тени. Небольшого размера чёрные клубочки материи, от которых во все стороны медленно расползалось нечто извивающееся, похожее на волоски.

Сгустки медленно парили над землёй, делая резкие пируэты, сливаясь друг с другом или делясь на две, а то и на три части. Они рыскали сквозь дым с единственной целью — найти людей. Найти что-то живое. Это пришло в голову сразу. Инстинктивно. Также инстинктивно в сердце поселился и страх.

Когда смотришь на тень, в душе рождается жуткое отвращение и желание спрятаться. Такое бывает, когда рядом с тобой летает огромная оса, или ползает жирный паук. Тени вызывали лишь отторжение. Они были чем-то чужим. Чем-то неестественным.

Пока я наблюдал за чёрными клубками, спор между Ханакири и Юри перерос в крик. Учительница изо всех сил пыталась успокоить Юри, однако та, лишь больше кричала и обвиняла женщину в обмане.

Это прекратилось лишь тогда, когда по классу прошёлся необычный звук. Такого я не слышал никогда. Едва ли его можно описать. Больше всего он походил на дверной скрип, но гораздо глубже и протяжнее.

Все присутствующие в классе замерли. Ощущение отвращения усилилось до рвотных позывов. Казалось, меня вот-вот вывернет наизнанку. Дышать становилось тяжело, словно кто-то медленно сжимает кулак у меня на горле.

— Не ...литесь, — Ханакири сказала это настолько тихо, что до меня долетели лишь обрывки фразы.

Чёрный сгусток. Теперь я мог разглядеть его во всей красе. В нём будто отражалось всё самое плохое, самое ненавистное мной. Чем он был ближе, тем чётче в нём отражались все мои самые отвратительнейшие мысли. От чувства омерзения потемнело в глазах. Дыхание стало частым, а двинуться с места просто не хватало сил.

Тёмный шарик медленно пролетел между рядами, прошёлся буквально перед моим лицом, мимо лица Харуки, мимо смертельно побледневшего лица Аи, остановился между Юри и Ханакири. И монолитно замер на месте.

В глазах Ханакири застыл животный страх. Она из последних сил держалась, чтобы не впасть в истерику и не выдать себя. А чёрный сгусток всё висел на месте, испытывая нервы женщины. Казалось, он может висеть так вечно.

Лицо Юри выглядело не лучше. И она, явно обладала меньшим самообладанием,

нежели Ханакири. Девочку уже потряхивало, и она в любой момент могла сорваться с места. А чёрный сгусток всё висел.

— Я... — разомкнулись губы Юри. — Не могу...

Шарик подался в сторону девочки и принялся стремительно к ней приближаться. Казалось, вот-вот, и он достигнет своей цели.

— Рико, — пугающе спокойно и громко произнесла Ханакири. — Чтобы домашнее задание, было сделано. Поняла?

Не успели мы и опомниться, как тень насквозь прошла Ханакири. словно нечто призрачное, она прошла сквозь грудь женщины и бесследно растворилась в воздухе.

Ещё какое-то время Ханакири стояла на ногах. Лицо её стремительно бледнело, глаза закатывались, вены на лице и на руках вздулись. Из ушной раковины медленно тянулся тёмно-красный вязкий ручеёк.

Учительница вконец обмякла и повалилась на пол. Послышался душераздирающий крик Аи. Её истерику подхватили и остальные. Кричали в страхе все. Все, кроме Харуки. Харуки которая с безумными глазами прижимала к груди тетрадку и жалась в угол.

Тени, что находились за окном, неспеша поползли к школе. Кажется, это конец. С нами будет то же, что и с Ханакири-сенсей? Некий инстинкт внутри заставил крепко зажмурить глаза. Рёв девочек не прекращался. Я слышал эту какофонию голосов. Неестественно истеричный и протяжный вой Уми. По-детски высокий писк Аи. Болезненный и отчаянный плачь Рико. Всхлипы и шёпот Юри. Безумное мычание Харуки. А что насчёт меня? Я закрыл глаза...

Что-то тёплое зашевелилось у меня на плече. Я разомкнул веки. Дом дяди Ёичи, раннее утро. Часы уверяют меня, что сейчас всего-то шесть утра. Какой же отвратительный и кошмарный сон. Рядом на моём плече спит Харука.

Я аккуратно провёл рукой по её волосам. Жёсткие и упругие, они прилипли к моей ладони тонкими линиями. Моему взору открылись слегка оттопыренные уши. И всё же, они выглядят очень забавно.

Харука спала крепко и не чувствовала моих прикосновений. Под тонкими веками быстро бегали зрачки. Может, она тоже видит какой-то кошмар? Несмотря на болезненный вид, кожа у Харуки была очень гладкой. А белизна создавала ощущение фарфорового лица.

Я прикоснулся к её щеке. Мягкая и прохладная. Это прикосновение девочка почувствовала, сонные глаза непонятливо уставились прямоком на меня.

— Кажется, мы немного засиделись, — констатировал я.

Как и во сне, Харука вскочила с места и без объяснения причины ринулась к выходу. Как и во сне, я схватил её за руку.

— Не убегай.

Харука раскрыла тетрадку и вытащила из кармана карандаш. Те же корявые иероглифы, та же трясущаяся кисть: «Мне нельзя ночевать вне храма! Нанаки-сан запрещает ночевать вне храма!»

— Не убьёт же он тебя, — у меня сохранялось стойкое ощущение дежавю. — Пойдём, мы ему всё объясним.

Девочка нервно поджала губы, но всё же согласилась. Я надел свои кроссовки и вместе с Харукой выбрался наружу. Солнце только начинало подниматься из-за холмов, а на улице

всё ещё сохранялась вечерняя прохлада.

Харука торопилась, быстро и неуклюже перебирала ногами, постоянно оглядывалась на меня и подгоняла жестами. Вот, показался перекрёсток у рисовых полей. Здесь, во сне, я встретил Рико. Однако сейчас здесь не было никого. Пустой и тихий перекрёсток.

Надо же, какая глупость приснилась. Хинай? Тени? Смерть дяди Ёичи? Смерть Ханакири-сенсей? Порой я удивлялся, на что способна моя фантазия.

Довольно скоро, торопливым шагом, мы преодолели перелесок и перед глазами предстал храм. На площади, с крайне недовольным лицом, нас поджидал Нанаки-сан. Я приготовился оправдывать Харуку.

— Ты была там? — жрец начал со странного вопроса.

Харука показала что-то на языке жестов.

— Не юли! — голос Нанаки был неестественно жёстким. — Я тебя много раз предупреждал, чтобы не ночевала вне храма. А если бы с тобой что-нибудь случилось?!

Харука снова принялась активно размахивать руками.

— Ты знаешь, что ночевать в деревне опасно! — наконец, храмовник заметил и меня. — Чем вы там занимались?

Бледное лицо Харуки залилось румянцем.

— Ничего такого Нанаки-сан! — в разговор включился я. — Был лишь чай и телевизор. Мы просто засиделись! Поверьте, Нанаки-сан!

Жрец тяжело вздохнул и печально посмотрел мне в глаза. Он уселся на одну из лавочек и устало потёр лицо.

— Видать, вы не поняли, что произошло.

— Произошло?

— Вы побывали в Хинае, верно? — голос его стал ещё более хриплым, чем обычно.

Я ничего не ответил. Вернее, сперва я даже не понял, что Нанаки имеет в виду. Лишь через пару секунд пришло осознание, что он знает про мой сон. Харука, стоящая рядом, оживилась и подбежала к Нанаки.

— Так я и думал, — продолжил мужчина. — И кто умер в этот раз?

— Ха... — слова, просто не выходили. — Ханакири-сенсей.

— Жаль, — мрачно произнёс Нанаки. — Хорошая была женщина. Отзывчивая.

Сегодня у школы не было никого, кроме Рико. Девочка одиноко качалась на одинокой качели и смотрела на, теперь уже одинокую, школу. Абсолютно пустой и невыразительный взгляд. Потерянный. Исчез ребяческий задор, исчезла глуповатая улыбка, исчезла Рико. Осталась лишь блеклая тень.

Мы не видели, как хоронят Ханакири-сенсей. Никто не видел. Тело вынесли из её дома и унесли куда-то в сторону выезда из деревни. А погода всё не портилась. Прекрасное голубое небо, пышные облака и палящее солнце.

— Однажды в детстве, в классе, кажется, пятом, — раздался голос Рико, — мы с Юри поссорились. Ва, из-за какой-то глупости поссорились. Мы дулись друг на друга и не разговаривали. Ханакири-сенсей не стала с нами беседовать, мирить нас. Она просто оставила нас обоих на дежурстве. Тогда мы с Юри даже подрались.

Ханакири-сенсей была неважным педагогом. Не знала, как общаться с проблемными детьми. Но всё же, она всегда находила к нам подход. Раньше казалось, что Ханакири-сенсей

знает всё-всё на свете и нет ничего, чего она не могла бы объяснить.

— Она защитила нас... — но Рико меня перебила.

— Нет, — голос её был ровным, спокойным и каким-то отстранённым. — Это мы распустили Юри. Я всегда считала, что Уми неправа. Мы воспитали из Юри эгоистку. Слишком много ей позволяли. И вот что случилось. Если бы она не начала кричать, ругаться и обзывать Ханакيري-сенсей, тени бы не прилетели.

— Вы не причём, по-другому нельзя было.

— Можно, — она встала с качели. — Если бы прошлой зимой мы нашли к ней другой подход. Если бы не сделали по-дурацки! Если бы не делали из Юри центр вселенной! Сейчас всё бы было хорошо!

Странно. Речь Рико изменилась. Она говорила серьёзно, строила предложения, как взрослый человек. И это пугало. Это была уже не та девочка на велосипеде, что восхищалась моими кроссовками.

— Пойдём на пляж, — Рико успокоилась. — Хочу на пляж.

Я лишь сдержанно кивнул и зашагал за Рико.

И снова перекрёсток. Я впервые ступил на третью тропинку. Ощущение, словно я открыл для себя иной мир. Сделал что-то совершенно новое. Казалось, будто я первый человек на луне. Однако это глупое ощущение очень быстро прошло.

Наш путь лежал через странного вида поляны. Они, словно проплешины, неестественно образовались посреди леса, заросшие лишь ярко-зелёной травой. Даже цветов здесь не росло. Я нагнал Рико.

— Странные поляны. Здесь что-то было?

— Ничего странного. Обычные полянки. Иногда я любила полежать здесь.

— Правда?

— Ва, особенно зимой! — она хихикнула. Хихикнула, как обычная Рико. — Знаешь, здесь выпадает много-много снега! И ты с разбегу падаешь в сугроб и смотришь в небо! А вставать уже и не хочется. У тебя такого никогда не было?

— Ни разу.

— Ва! Тебе нужно обязательно попробовать! Это очень весело.

Берег. Мягкий песок. Настолько мягкий, что ноги глубоко в него проваливались. На пляже пусто: ни лежаков, ни зонтиков — ничего. Просто дикий пляж. Недалеко от нас небольшой скалистый выступ, о который ударялась вода, разлетаясь в разные стороны, вздымаясь белой пеной.

Рико прошлась вдоль моря, помочила ноги в накатывающих волнах, взглянула на далекий горизонт. Девочка уселась на песок, поджала под себя ноги и глубоко о чём-то задумалась. Я сел рядом.

— Родители предупреждали меня об этом, — отстранённо начала Рико. — Всех нас предупреждали. Мы с детства знали, что Сатомори нельзя покидать. Но сестра Юри, однажды, не выдержала. Она и ещё пара старшеклассников угнали машину и попытались уехать из деревни. С тех пор о них никто ничего не слышал. Но знаешь, мне почему-то кажется, что Исияма-сан жив.

— Кажется?

— Не знаю почему, — она пожала плечами. — Вот, кажется и всё. Исияма-сан не из тех, кто так просто сдаётся. Я думаю, он жив.

— Как думаешь, что теперь будет?

— Не знаю, — с моря подул холодный ветер. — Я никогда ничего не знала и не понимала. И, если честно, не особо и хочу. Пускай живётся, как живётся.

Девочка вытащила из песка небольшой камешек и закинула его в воду.

— Я бы хотела проведать Аи, — Рико поднялась с песка и оттряхнула юбку. — Пойдёшь со мной?

— Конечно, — я также спешно вскочил.

Домик Аи находился в центре деревни. Пожалуй, он выглядел самым ухоженным из всех его окружающих. Двухэтажное здание, огороженное невысоким декоративным заборчиком. Во двореке самодельные качели из покрышки, пустая собачья будка и небольшая клумба, на которой ничего не росло.

Рико нажала на дверной звонок. Раздался мелодичный сигнал. Буквально через пару секунд дверь открыл мужчина. Тот самый мужчина, которого я встретил в храме перед поездкой в аквапарк. Сейчас его лицо не было столь грозным. Одет он был в простенькие, слегка растянутые, штаны и выцветшую серую футболку. Однако, белых перчаток он не снимал.

— Добрый день, Комаэда-сан, — поприветствовала его Рико. — Аи-чан у себя?

— Ах, Каватсуки, — мужчина добродушно улыбнулся. — Аи сейчас не в лучшем виде. Ну... сама понимаешь.

— Мы пришли её поддержать, — девочка задорно улыбнулась. — Это Тору-кун, он теперь наш друг и сосед.

— Тору-кун? — мужчина кинул на меня серьёзный взгляд. — Знакомое лицо у тебя.

— Мы встречались. В храме. Помните? — неудивительно, что он меня забыл. — Вы с чёмто спорили с Нанаки-саном.

— Ах да, Нанаки-сан... — мужчина хотел что-то добавить, но сдержался. — Рад, что у моей дочери есть такие друзья. Проходите, не стойте на пороге.

Внутри домик также выглядел очень цивильно. Однако было заметно, что в нём не хватало женской руки. Пыль не протиралась уже очень давно, многие вещи, определённо, стояли не на своих местах, на спинках стульев, кресел и диванов можно было обнаружить несколько слоёв одежды.

Я поднялся на второй этаж, следуя за Рико. Наверху расположилась всего лишь одна дверь, из-за которой раздавалось множество голосов, громкие звуки и ненавязчивая бодрая мелодия. Моя спутница снова постучала в дверь и приоткрыла её.

На небольшой односпальной кровати лежала Аи. Девочка выглядела жутко. И дело даже не в безразличном взгляде, бледности или абсолютном отсутствии реакции. Аи лежала на кровати и просто уставилась в экран телевизора, где шло какое-то аниме.

Нас Аи даже не заметила, а продолжила смотреть. Там, по другую сторону экрана, шла комедия. Кажется, та самая, от которой так фанатели Харука и сама Аи. Всё в её комнате было уклеено плакатами с персонажами из этого аниме, на полках тонны манги, на столе ряд довольно качественных фигурок.

Под телевизором стоял включённый DVD-проигрыватель. Судя по всему, Аи смотрела серии на репите. Раз за разом пересматривая одно и то же, постепенно сходя с ума.

— Аи, — Рико села рядом с подругой.

— Новые серии второго сезона ещё не вышли, — прохрипела Аи. — Мне надо их

дождаться.

— Аи, сколько ты уже так лежишь?

— Яширо-кун обязательно должен встречаться с Цуей, — девочка будто не слушала, что говорят ей. — Иначе я очень расстроюсь.

— Аи, ты ела?

— Там была такая смешная серия, — Аи продолжала. — Знаешь, они, как и мы, пошли в аквапарк...

— Тору, — Рико развернулась ко мне. — Выключи пожалуйста.

Я кивнул, подошёл к телевизору и щёлкнул на кнопку. Экран погас, звук прекратился. Аи, на какое-то время, также замолчала. Но ненадолго:

— Включи! — закричала она. — Верни! Включи назад!

Девочка вскочила с кровати, но затёкшие ноги не дали ей сделать и шагу. Аи повалилась на пол. Она попыталась встать, но, видимо, за всё то время, что она здесь лежала, конечности её совсем онемели.

Когда Аи поняла, что я всё равно не включу телевизор обратно, она обречённо уткнулась лицом в пол и замолчала. Ни всхлипывала, ни плакала, ни кричала. Просто замолчала.

— Аи, послушай... — Рико не успела договорить.

— Не хочу, — пробубнила девочка. — Не хочу слушать!

— Аи, послушай меня!

— Не хочу! Включите мне телевизор!

— Аи, прекрати!

— Уходите! Включите мне телевизор и уходите! — она не переставала капризничать.

— Аи! — Рико вскочила с кровати. — Ханакири-сенсей отругала бы тебя за такое!

— Но Ханакири-сенсей больше нет, — Аи перевернулась на спину и с трудом поднялась с пола. — Ханакири-сенсей умерла. Меня больше никто не отругает. Мне больше никто не нужен. Никто, кроме моего телевизора и аниме.

Раздался шлепок. Аи схватилась за левую щёку и замолчала. Я впервые видел Рико такой. Серьёзной, сосредоточенной и злой. Я был уверен, что передо мной совершенно другой человек, что передо мной не Рико, а Каватсуки Морико.

— Если это так, — продолжила Рико. — То Ханакири-сенсей не стоило умирать из-за таких, как ты.

Губы Аи затряслись. Она держалась какое-то время, однако, в итоге, расплакалась. Как всегда по-детски откровенно и громко. Аи всегда оставалась собой. Ей было страшно, ей было одиноко, ей было больно, потому она и плакала. Плакала, потому что хотелось.

— Никогда больше так не говори, — Рико обняла подругу. — Мы всегда будем вместе. Мы же самые дружные в Сатомори! И всегда друг другу поможем.

Аи ничего не говорила. Просто продолжала плакать.

На шум поднялся Комаэда-сан. Мужчина окинул комнату взглядом, двусмысленно покачал головой. Заметив меня, он длительное время пристально на меня смотрел, а после беззвучно позвал кивком.

Я вышел из комнаты Аи и встретился с её отцом лицом к лицу. При более близком осмотре можно было заметить глубокие морщины, странные отметины, вроде тех, что бывают после оспы, седину в волосах.

— Тору-кун, верно?

Я кивнул.

— Ты же общаешься с той девчонкой из храма... как её там...

— Харука, — напомнил я.

— Да, точно, — он продолжил. — Она тебе случаем ничего странного не говорила?

— Она не может говорить. Харука — немая.

— Вон оно как, — мужчина цокнул языком. — И всё же, она не пыталась тебе рассказать что-нибудь необычное?

— Нет, Комаэда-сан, — я покачал головой. — Ничего необычного.

— А этот Нанаки, — Комаэда продолжал допрос. — Он что-нибудь говорил тебе?

— С Нанаки-саном, я особо не общался.

— Точно? — он пристально и грозно на меня взглянул.

— Точно, — я не растерялся.

Из комнаты вышла Рико, она встала между нами.

— Тору-кун, — она, почему-то, вдруг, перестала называть меня «Ивару». — Я бы была не против проверить, как там Юри.

— Да-да, — я оторвал взгляд от отца Аи. — Идём.

Глава V

Мало кто знает о том, как порой человеку бывает больно. Ещё меньше знают о том, как он справляется с этим. А боль с каждым годом всё тяжелее и тяжелее, постепенно растёт на плечах человека. В какой-то момент она становится настолько привычной, что он её уже и не чувствует. Ну, словно и нет её вовсе. Вот, год назад была, а сегодня уже и не чувствуется.

И все вокруг тоже считают, что он в полном порядке. Ходит себе, жив-здоров, смеётся, общается, радуется. Но боль, она всегда остаётся, даже если и не видишь её. Боль — это боль, и никуда она не уйдёт, и никогда не оставит. Её можно только приглушить. Приглушить на время, притупить ненадолго.

А в итоге? В итоге она всё равно возьмёт своё.

Юри лежала на холодной, мягкой как перина, земле и смотрела в низкое серое небо. Под воротник старенькой курточки забрался холодный снег, розовая шапочка в белую полоску чуть съехала на глаза.

Утро понедельника. Юри должна была быть в школе, но отчего-то туда не пошла. Не захотела, не смогла. Зачем учиться, если она никогда не сможет покинуть Сатомори? Зачем вообще к чему-то стремиться, если они все заперты здесь до самой смерти?

Кто вообще придумал это правило? Почему?! Юри не понимала. Люди, что уезжали из деревни, умирали на следующий день. И её сестра тоже умерла? И Кира-кун, и Нисидачан? Все они умерли из-за этого глупого правила?

«Если есть боги, если есть ками, то почему они не защищают? Неужели мы настолько плохие, что они отвернулись от нас? От жителей Сатомори? Что мы сделали? Как мы провинились? Что сделала сестра Юри, чтобы умереть?»

Девочка услышала хруст снега, кто-то приближался к ней. Медленный и аккуратный шаг. Ни Рико, ни Аи, ни Уми так не ходят. Юри подняла голову и встретила взглядом с Ханакири-сенсей. Лицо учительницы покраснело от холода, изо рта шёл пар.

— Нацуёши-чан, — Ханакири подошла ближе. — Почему ты не пришла на занятия?

Юри не ответила.

— Девочки тебя заждались, — учительница села рядом. — Каватсуки совсем ничего не понимает в математике. Знаешь, дала ей самое простенькое уравнение, так она с ним и просидела до конца урока.

Молчание продолжалось.

— А Комаэда-чан снова принесла с собой мангу, — Ханакири поправила девочке шапку и оттряхнула воротник от снега. — Я ей говорю: «читай второй абзац», а она меня не слышит, рассматривает картинки. Представляешь? 57/85

Юри даже не смотрела в сторону учительницы. Взгляд её был потерян где-то в раскинувшемся далеко горизонте.

— Но Уми, как всегда, всё сделала, чего бы я ей не задала, — женщина смотрела в сторону деревни. — Она тебя тоже очень ждёт. Хочет поиграть с тобой в *сёги. Умеешь играть в сёги?

Минута тишины. Словно нечто тяжёлое повисло между Юри и Ханакири.

— Нацуёши, можно я буду называть тебя по имени? — Ханакири прервала молчание. — Юри, если тебе плохо, расскажи мне. Я твоя учительница, я всегда найду чем помочь.

Юри ответила:

— Вы вернёте мою сестрёнку?

Теперь, замолчала уже учительница.

— Ханакири-сенсей, а зачем нам всё это? Зачем нам учиться? Если мы всё равно никогда не уедем из Сатомори.

— Когда-то давно, я тоже задавалась таким вопросом, — Ханакири смяла в руке снежок. — Не знала, зачем мне всё это нужно, если я всё равно, навеки связана с этой деревней.

— Тогда, почему вы продолжаете нас учить?

— А что нам остаётся, Юри? — она улыбнулась. — Сатомори — наш маленький мир. Такой же жестокий, как и тот, который там, за холмами. Не превращаться же нам в овощи? Мы люди, Юри. А люди не могут сидеть просто так, без дела.

— Я могу.

— Не можешь, — отрезала Ханакири. — Представь, что ты лежишь вот здесь, прямо на этом самом месте. Представила? А теперь представь, что ты лежишь тут день, второй, третий, неделю, а за ней месяц, а за ним год. Ты лежишь, а всё вокруг тебя живёт. Аи, Морико и Уми, все они веселятся, играют, читают, узнают что-то новое. А ты лежишь тут, Юри, лежишь и просто смотришь в небо. Сможешь так?

Юри не ответила. Не знала, что ответить. Не знала, как ответить.

— Знаешь, Юри, — женщина тяжело вздохнула. — Все избегают этой темы, но я скажу. Верёвкой делу не поможешь. То, что ты хотела сделать, Юри, очень плохой и глупый поступок. Потерять близкого человека — больно. Уж мне ли не знать. Но пройдёт время, и боль, какой бы сильной она сейчас не казалась, отступит. Отступит, вот увидишь!

— Не отступит, — Юри снова подняла глаза на серое небо. — Никогда не отступит.

— Просто нужно стараться, Юри, — Ханакири поднялась с земли. — Нужно быть сильной, Юри. Твоя сестра была сильной?

— Она была самая сильная! — крикнула девочка.

— А ты?

— А я нет.

— Будь сильной, Юри, — женщина протянула ей руку. — Стисни зубы, но будь сильной

— *Мгновение — и рухнули волны, что еще недавно вздымались громадой, и поднялись те, что расстилались ровною гладью, а воды в безграничном морском просторе не убавилось и не прибавилось ни на каплю, — голос Ханакири-сенсей был спокойным, мерным и усыпляющим. — Так устроена жизнь. Но человек — единственное в великой вселенной создание, от рождения наделенное страстями, даже понимая все это, вечно останется неразумным: он безрассудно радуется мимолетной победе и скорбит о временном поражении.

Женщина отошла от окна, за которым во всю валил снег. Зима накрыла Сатомори белоснежным мягким покрывалом, и вся деревня будто бы уснула. Дни тянулись медленно, были однообразными и жутко холодными.

— Эти слова были написаны Токутоми Кэндзио. Кто из вас может объяснить мне их смысл?

— Ва! — послышался голос Рико с последней парты. — Я ничегошеньки не поняла!

Какие то воды, селенные, что-то там неразумное.

— Может быть, кто-нибудь всё же выскажет свои мысли?

— Могу предположить, — Уми скучаяще подпёрла голову рукой. — Что по мнению Токутоми, человек по природе своей глуп и наивен. Что он, даже понимая всю суть бытия, так и остаётся заложником своих страстей, поддаваясь эйфории от совершенно незначительной победы, или же наоборот, сокрушаясь мелкому поражению.

— Интересное рассуждение, — улыбнулась Ханакири. — А как вы думаете, вы можете изменить этот мир? Сможете понять всю его глубину, и, как выразилась Уми-чан: суть бытия?

— Мир, он большой, — снова отозвалась Рико. — А я маленькая. Как я могу его изменить?

— Наполеон тоже был маленьким, — Ханакири засмеялась. — Однако, он сумел изменить мир и вписать своё имя в историю.

— Ничего мы не сможем изменить, — вдруг раздался голос Юри. — Что мы можем изменить, будучи запертыми в этой деревне?

— Юри... — Ханакири не договорила.

— Все эти книжки, все эти уроки, — девочка поднялась из-за парты. — Что это нам даёт? Мы останемся здесь навечно. Мир? Вселенная? Наша вселенная — Сатомори. Наш мир — Сатомори. Наш гроб — Сатомори.

— Юри, ты ошибаешься.

— Нет, Ханакири-сенсей. Это вы ошибаетесь.

Девочка поднялась из-за парты, схватила свой портфель и вышла из класса, демонстративно хлопнув дверью. В кабинете повисла неуютная тишина, которая разбавлялась лишь шумом метели за окном.

— Юри-чан злится? — Аи оторвалась от манги. — Почему?

— Юри... — учительница запнулась. — Нацуёши-сан просто немного устала.

— Ханакири-сенсей, — Уми тоже поднялась из-за парты. — Я думаю, с этим нужно что-то делать.

— У тебя есть идеи, Окико-сан?

— Да, есть одна, — она кивнула. — Мы можем ненадолго отлучиться с урока?

— Если это поможет...

— Должно помочь.

Юри спешно натягивала куртку. Ей хотелось как можно быстрее убежать, зарыться как можно глубже, потеряться, никого не видеть. Ей было страшно, ей было одиноко и невыносимо, адски больно.

До недавнего времени, жизнь, неспешная и тягучая, словно сладкий, свежесобранный мёд, имела смысл. Юри понимала, зачем учиться, зачем дружить, зачем существовать. А сейчас? Сейчас, всё: люди, места, события, время и она сама — превратились в набор несвязанных между собой картинок.

Нет, Юри — не сильная. Юри — обычная девочка, неспособная пережить все те напасти, которые навалились на неё. Сколько ни убеждай, сколько ни проводи сеансов, а всё это абсолютно бессмысленно. Кошмарные сны не излечить пустыми разговорами. Холодную пустоту не заполнить пилюлями.

— Юри, — в раздевалку вошла Уми. — Подожди.

Окико Уми — всегда умная, всегда собранная, всегда деятельная. Она не задавалась

вопросами зачем и почему, ей был неинтересен процесс, её волновал лишь конечный результат. Всё в окружающем её мире было не более, чем набором формул и задач. Раскусишь одну, двигаешься к следующей. Таков смысл жизнь Окико Уми.

— Послушай меня, — голос её, словно металлический, не имел никакого окраса. — Я отлично тебя понимаю. Мне тоже трудно смириться, я также, как и ты, обеспокоена всем происходящим. Так, давай докопаемся до истины вместе?

— Вместе? — Юри опустила руки. — До истины? До какой истины ты будешь докапываться, Уми?

За спиной Уми, появилась печальная мордашка Аи. Девочка смотрела на всех откровенно, непонимающими ничего, глазами.

Комаэда Аи была окружена заботой родителей, она привыкла жить под опекой, и без неё становилась похожа на выпавшего из гнезда птенца, который безуспешно машет крыльями, в надежде вернуться на своё прежнее место.

И хотя Аи казалась жизнерадостным ребёнком, в душе её уже очень давно, зияла та же пустота, что и у Юри. Мать была для Аи тем самым гнездом, которое оберегало её от внешнего мира. Чтобы ни случилось в жизни Аи, она всегда знала где можно спрятаться, где можно отдышаться. Но однажды этого гнезда просто не стало. В один прекрасный летний день, самый дорогой для Аи человек уснул и больше не проснулся.

— Юри-чан, — раздался приглушённый голосок. — Я тоже буду искать. Честно-честно! Если ты хочешь, я обязательно найду эту самую истину! Только скажи!

— Ва! — Рико, беспардонно растолкала подруг. — Не люблю искать потерянные вещи. Но если эта истина тебе так нужна, то можешь на меня положиться.

Каватсуки Морики, несмотря на лёгкую глупость и деревенскую простодушность, прекрасно понимала чувства окружающих. Пожалуй, это был её дар. Рико всегда знала, когда появиться и что сказать.

Рико не волновал поиск смысла, не волновала её и страшная участь быть навечно запертой в Сатомори. Её волновал только велосипед, в который она вложила всю свою душу. Самым страшным для Рико было пропустить обед и получить подзатыльник от матери.

Каватсуки была порождением Сатомори, была связана с этой деревней невидимой нитью. Может, причиной тому её характер, может, наивность и глупость, а может, и нечто более глубокое, нечто более важное.

— Что бы ни случилось, — вновь раздался монотонный голос Уми. — Мы не дадим тебе наделать глупостей. Слышишь меня, Юри? Если тебе нужен смысл, если тебе нужна истина — мы достанем её для тебя.

Юри лишь слушала.

— Мы всегда будем на твоей стороне, Юри.

Такая простая фраза, неосторожно брошенная когда-то очень давно. Мог ли тогда кто-нибудь знать, насколько сильно эта фраза изменит Юри, изменит девочек, изменит Сатомори? Нет. Конечно, никто и не догадывался о всей тяжести своих преступлений.

А метель всё завывала. Тряслись оконные рамы, в стёкла врезались и тут же таяли тысячи маленьких снежинок. Четыре девочки стояли посреди раздевалки. Трещали подгнившие доски, скрипела, покачиваясь туда-сюда, дверь.

Такая обычная, такая тихая, такая утрюмая зима. В Сатомори ещё никогда не было настолько холодно.

Снаружи дом Юри мало отличался от десятков других домиков в округе. Невысокий, в традиционном стиле, окружённый стареньким, местами прогнившим, заборчиком. Во внутреннем дворике пусто.

Рико постучала в дверь, однако ничего не произошло. Она сошла с крыльца и заглянула в окно. Кажется, никого не было дома. Вокруг царил глухая тишина, которую едва-едва разбавлял стрекот цикад.

— Может, они куда-нибудь ушли? — предположил я.

— Родители Юри часто отлучаются по делам, — Рико приложила палец к губам. — Но сама она редко выходит из дома в одиночку.

— Думаешь, она не слышит?

— Слышит, — отмахнулась девочка. — Не хочет открывать просто.

Рико опустилась на корточки, со скрипом отодвинула расшатанную доску под окном и запустила туда руку. После нескольких секунд усердных поисков, она что-то нащупала. Перемазанная в чёрной пыли и паутине, рука девочки сжимала слегка погнутый ключ.

— Кто-то ещё прячет таким образом ключи? — неподдельно удивился я.

— Ва, ты что, не понимаешь? — она со скрежетом провернула ключ в замочной скважине. — Вот, как дверь захлопнется, и что делать будешь?

— А если воры найдут?

— Мы тут всех в лицо знаем, — улыбнулась Рико. — Потому, никто ни у кого не ворует. Да и воровать-то нечего.

Более странного места, чем дом Юри, видеть мне ещё не приходилось. На первый взгляд, ничего необычного. Полочки с фотографиями, платяной шкаф, подставка для обуви, дальше по коридору кухня. Стол, стулья, занавешенное белыми шторами окно, справа от кухни гостиная, за ней закрытая комната. Обыкновенный деревенский домишко.

Но стоит лишь немного присмотреться и начинаешь замечать, что всё здесь как-то неправильно. И чем дальше ты присматриваешься, тем более жутким становится это место. Шкаф смотрелся в абсолютно пустом коридоре лишним. Обувь на подставке расставлена не по парам. На фотографиях размазанные нечёткие лица.

— Мать Юри — странная женщина, — Рико заметила, как я рассматриваю фото. — Было время, когда она носилась по деревне и фотографировала каждого, кто попадался ей на пути. Никто не знает, зачем она это делала.

И внутри всё та же загробная тишина. Казалось, будто стены поглощают все звуки, как губка. Через закрытые окна свет попадал в дом лишь тонкими струйками, отчего всё здесь выглядело словно в чёрно-белом кино.

Уже на входе нужно было насторожиться. Понять, что в доме что-то не так. Странная тишина? Закрытые шторы? Давящая атмосфера? Человек должен чувствовать приближающуюся катастрофу заранее, на инстинктивном уровне. Рико открыла дверь в комнату Юри.

Содранные обои, разбросанные по полу мягкие игрушки, одежда, учебники и канцелярия. Неприятный и резкий запах рвоты, и всё та же, невыносимо давящая на мозг, тишина. Здесь, посреди хаоса, закончилась история Нацуёши Юри.

Одетая в тёмно-синюю, заляпанную рвотой, пижаму, с опущенной на грудь головой, Юри сидела на полу, прислонившись к холодной стене. Рядом с ней, на невысокой тумбочке с ночником лежала смятая записка. На трясущихся ногах я подошёл ближе: «Мне больно».

Такая короткая фраза, неаккуратно написанная *каной. Я вернул клочок бумаги на

место и в очередной раз, покосился на труп девочки. Как долго она билась здесь в агонии? Кричала ли? Сожалела ли о своём решении?

Рико ничего не говорила. Она села на корточки рядом с телом и, разомкнув заострившие пальцы подруги, явила на свет пустую упаковку таблеток. Сильнодействующие антидепрессанты. Никто бы не выдержал такой дозы.

— Ч-что нам теперь делать? — прохрипел я.

Но Рико не отвечала.

Глупо было надеяться, что после всего, что приключилось, всё вернётся на круги своя. Люди, словно пробудившиеся ото сна, собирались на главной площади деревни. Женщины, мужчины, старики и дети, все медленно выползали из своих уютных и тёплых домов.

Среди этой толпы потерянных, охваченных ужасом и ненавистью людей, затесался и я. Ивата Тору, паренёк с окраин Токио. Я не должен быть здесь. Всё случившиеся со мной — одно огромное недоразумение. На моём месте должен быть совершенно другой человек.

— Друзья мои, — раздался громкий голос Комаэды. — Хинай в очередной раз унёс невинные жизни. Уже на протяжении нескольких сотен лет мы вынуждены терпеть эту напасть. Мы теряем своих близких и друзей, и только некоторые из нас избегают этой участи. Да-да, вы прекрасно знаете о ком я говорю. Жрецы храма никогда не испытывали ужасы Хиная.

Толпа недобро загудела. Кто-то схватил меня за руку и потянул назад. Едва удержавшись на ногах, я встретился взглядом с Рико и Уми. Взгляд у обеих был, мягко сказать, обеспокоенным.

— Комаэда-сан настроен серьёзно, — заявила Уми. — Если так пойдёт и дальше, он поведёт всех в храм.

— Родители Юри вчера покинули деревню, — Рико говорила тихо, постоянно оглядываясь по сторонам. — Выходит, они знали, что она покончила с собой.

— Тору, если эти люди придут в храм, случится что-нибудь непоправимое. Если там будет Харука... — Уми изменилась в лице. — Тебе нужно увести её оттуда.

— Думаешь, всё настолько плохо? — я осмотрел столпившихся людей.

— Не знаю, — сокрушённо ответила она. — Мы допустили ошибку. Всё, что произойдёт дальше, наша... моя вина.

— Глупости. Причём здесь ты, Уми?

— Я не смогла помочь Юри, — впервые за всё это время, голос девочки задрожал. — Я обещала ей, что помогу. А в итоге...

— Тору, — Рико подошла к подруге. — Беги в храм. Уведи оттуда Харуку.

— А вы?

— Мы ещё понаблюдаем. Если всё будет хорошо, то навестим вас.

Я неуверенно кивнул, выбрался из толпы и бросился в сторону храма. Я ещё никогда не бегал так быстро. Не жалея ног, спотыкаясь на каждой неровности. Я провёл в Сатомори всего пару дней, длинную в жизнь.

Дайте мне возможность, и я бы отказался от поездки в Сатомори. Дайте мне шанс, и я бы сбежал отсюда в первый же день. Я не хотел и не хочу иметь хоть какое-то отношение ко всем этим жутким делам! Но раз уж я здесь! Здесь, на перекрёстке у рисовых полей! Я должен что-то предпринять!

Рико, Харука, Юри, Уми, Аи — эти имена пульсировали у меня в голове. Я мог их никогда не увидеть, никогда не узнать. Но теперь, каждая из этих девочек, глубоко впилась в мою душу. И если есть что-то, что я смогу сделать для них...

Я влетел на главную площадь храма. Отбитые стопы болезненно пульсировали, дыхание никак не приходило в норму, а перед глазами поплыли тёмные круги. Стуча деревянными подошвами гэта, ко мне подбежала Харука. Девочка обеспокоенно положила руку мне на плечо и вопросительно взглянула в глаза.

— Х-Харука, — всё ещё задыхаясь, я принялся объясняться. — Послушай меня...

Слова застряли где-то в горле, предложения не строились, мысли запутались, словно клубок ниток. Казалось ещё немного, и я сам начну разговаривать на языке жестов. Нежная ладошка Харуки прикоснулась к моей руке.

На лице её появилась извечно туманная, успокаивающая улыбка. Она подвела меня к скамейке, набрала из рукомойника ковшик воды и протянула его мне. Я жадно пристал к нему. Вода тяжело проваливалась вовнутрь.

Тем временем, Харука убежала в сторону своей комнаты. Но долго одному мне оставаться не пришлось. Из молитвенного храма вышел Нанаки. Он окинул меня неоднозначным взглядом и медленно подошёл ближе.

— Тору-кун, — Нанаки сел рядом. — Заглянул в гости?

— Нанаки-сан, — я, наконец, смог отдышаться. — Там, на главной площади... зреет что-то нехорошее.

— Нехорошее? — жрец нахмурил густые брови.

— Комаэда-сан, — я понемногу распутывал клубок мыслей. — Он собирается повести людей на храм.

— Вот оно как обернулось, — Нанаки неожиданно улыбнулся. — Этот глупый мальчишка совершенно не понимает, что собирается сделать.

— Если все эти люди придут сюда, вы с Харукой будете в опасности!

— Боюсь, тех, кто подвергнется опасности, будет гораздо больше, — загадочно прохрипел старик. — Храм не должен лишиться хранителя. Ни в коем случае. Этот сброд не представляет, с чем они собираются бороться.

— Нанаки-сан, — я совершенно не понимал, что он говорит. — Вам нужно уходить. Мы найдём, где вас укроют.

— Тору-кун, — храмовник засмеялся. — Храм не должен оставаться без жреца. Если мне суждено погибнуть здесь, то так тому и быть. Мы — жрецы храма Сатомори, знаем о проклятии Хиная больше, чем кто-либо из ныне живущих. Мы — жрецы Сатомори, знаем, как он работает и каким законам подчиняется. Мы — жрецы Сатомори, держим Хинай в узде. Комаэда хочет испытать судьбу? Ну, пускай пробует.

— Нанаки-сан, я вас совершенно не понимаю.

— Но в одном, Тору, ты прав, — мужчина перевёл взгляд на домик Харуки. — Она не должна этого видеть. Ты сможешь её защитить, Тору-кун?

— Защитить?

— Что бы ни случилось после, ты сможешь гарантировать, что Харука будет жива?

По каменной кладке снова застучали подошвы гэта. Харука прижимала к груди тетрадку и продолжала всё также мило улыбаться. Она семенящим шагом преодолела расстояние от

домика до скамейки.

— Харука, — Нанаки не стал дожидаться моего ответа. — У меня будут сегодня коекакие дела в храме, ты не против погостить немного у Тору-куна?

Девочка озадачено взглянула сперва на жреца, затем на меня. Но долго она не думала и решительно кивнула.

— Тогда собирайся поскорее, — Нанаки поднялся со скамьи и потрепал Харуку по волосам. — Тору тебя подождёт.

Она бодро закивала и едва ли не в припрыжку снова удалилась в сторону своей комнаты. Когда девочка скрылась за дверью, Нанаки тяжело выдохнул и рухнул назад на скамейку. Некоторое время он пристально осматривал меня, а затем вытащил из кармана кимоно конверт. Тот самый, который дядя Ёичи вручил мне в первый день.

— Прочитай его позже, — жрец поднял взгляд к небу. — Твой дядя — неплохой человек. Он человек, с которым случилось много плохого. Как и со всеми нами, да будут боги к нам милосердны.

Небо медленно затягивало тучами. Ветер сгонял одиночные пушистые облачка в огромное тёмное и гремящее стадо, готовое снести всё на своём пути. Однако, какими бы грозными тучи не казались, это всё ещё — простые облака.

Шум телевизора. Второй сезон «Мне не выжить в старшей школе». Харука сидела рядом и с наслаждением наблюдала за происходящим на экране. Она не знала, что сейчас, в эту самую минуту, в храме происходит нечто ужасное.

Она принесла с собой фигурки, мангу, сменную одежду. Принесла всё то, на что указал Нанаки-сан. Харука не знала, что в храм она уже не вернётся. Возможно, и Нанаки, она видела в последний раз.

Рядом со мной, на кофейном столике, лежал конверт без марок. Тот самый конверт. Что в нём? Деньги? В нём лежит нечто, что дядя задолжал храму. Нечто, о чём я должен узнать позже.

Пока я размышлял над всем этим, Харука незаметно подседа ближе. Подседа так близко, что я ощутил её тихое горячее дыхание. Сегодня её прикосновения казались намного нежнее, чем раньше. Меня буквально парализовало.

Не сразу я разобрал лёгкую дрожь в её руках. Она прижималась ко мне всё крепче, словно пыталась спрятаться, защититься мной. Всё такая же невесомая, всё такая же ласковая, всё такая же молчаливая Харука.

Я хотел было спросить у неё, что это, вдруг, случилось, но почувствовал, как её тёплая ладонь медленно пробирается под футболку. Харука обнимает меня всё крепче, дыхание её становится всё быстрее. Однако дрожь. Дрожь никуда не уходит.

Я дотянулся рукой до пульта и выключил надоедливый телевизор. В доме воцарилась тишина и пугающее спокойствие. Как-то незаметно Харука оказалась у меня на коленях. Я вглядывался в её глаза. Напуганные, чувственные и всё же, жутко уставшие и настолько же жутко печальные.

Плавным, изящным движением руки, Харука развязала *оби, что подпоясывал юкату. Девочка не отводила взгляд, не прятала его, не краснела. Она продолжала заворожённо смотреть в мои глаза. На друзей так не смотрят.

Из-под юкаты показались узкие плечи, за ними, аккуратная, маленькая грудь. Всё тот

же, уже знакомый, болезненный, фарфоровый оттенок кожи. До Харуки было страшно дотрагиваться, казалось, что она может разбиться от любого неосторожного прикосновения. Она действительно была похожа на куклу из антикварного магазина. На куклу, которую никто не хотел покупать. На бракованную игрушку, которой все сторонились.

Я почувствовал прикосновение губ.

Всё происходило в абсолютной тишине. В доме было настолько тихо, что наше дыхание казалось оглушающе громким. Харука спускалась всё ниже. Девочка уже не контролировала свои руки, её тонкие пальцы изучили каждый сантиметр моего тела. И этот тремор. Эта дрожь никак не проходила.

Затем я почувствовал губы вновь. Всё те же тёплые и мягкие губы Харуки. За окном громыхнуло. Согнанные в стадо облака окатили землю Сатомори дождём, капли которого ритмично отбивали дробь по шиферу.

Что делать дальше?

Понятия не имею.

Примечание

**Сёги - японская настольная логическая игра шахматного типа. *Токутоми Рока(Кэндзиро) - «Куросиво» *Кана (хирагана и катакана) - японские слоговые азбуки, использующиеся наряду с китайскими иероглифами. *Оби - Японские пояса, носимые как мужчинами, так и женщинами поверх кимоно.*

Глава VI

Нанаки-сан до последнего верил, что окружающие его люди — неплохие. Но, смотря на разрушенный и разграбленный храм, смотря на забитого всем, что попадалось под руку, жреца, я сомневался в его убеждениях.

Неужели люди могут быть настолько жестокими? Как может уместиться в обычном человеке столько ненависти? На лице Нанаки-сана не осталось ни одного здорового места, кимоно было разорвано, на макушке засохшая кровь, половина левого уха у жреца отсутствовала.

Из храма вынесли почти всё, что было возможно утащить: мебель, посуду, электронику, одежду, вынесли всё подчистую. Видимо, разгорячённая толпа уже и забыла, зачем сюда заявлялась. Отыгралась на несчастном старике и убралась восвояси.

Страшно подумать, что бы случилось с Харукой, останься она здесь.

Над Сатомори снова повис дым, по деревне разошёлся запах гари. Хинай вновь заявил на это место свои права. Однако на этот раз я точно помню, что не спал всю ночь. Может, я заснул и не заметил этого?

Я, Харука, Рико и Уми встретились сегодня на перекрёстке. Я не рассказал девочкам о том, что случилось между мной и Харукой. Рико поведала мне всё, что произошло после моего ухода с площади.

Рассказала, как разгорячённые Комаэдой люди, направились в сторону храма. Рассказала и о том, что Комаэда-сан до сих пор ищет Харуку. Рассказала о том, что в деревне теперь находится опасно. Рассказала о взятых под стражу родителях. Рассказала о спятившем Комаэде, о жутких порядках, которые он наводит в Сатомори. Рассказала об Аи, которая куда-то исчезла.

А сейчас... сейчас мы стояли над телом Нанаки-сана. Харука села рядом с головой старика и аккуратно провела рукой по морщинистому лицу. Девочка не плакала. Видимо, у неё совсем не осталось сил на слёзы. Никто не плакал.

— Мы в ловушке, — тихо подытожила Рико. — Пойдём в деревню и нас тут же поймают, как сообщников Нанаки. Покинем Сатомори, нарушим правило «родового гнезда», погибнем на следующий день.

— Правило «родового гнезда»? — я спрашивал не столько из интереса, сколько для того, чтобы разбавить висящую в воздухе тяжесть.

— Ты о нём уже знаешь, — Рико говорила по той же причине. — Это запрет на выезд из Сатомори. Правда, ходят слухи, что есть и второй пункт правила, о котором никто не знает.

Я понимающе хмыкнул и достал из кармана джинсов конверт. Если не прочитать сейчас, то в будущем это будет просто бессмысленно. Я зашуршал бумагой, вытащил из 69/85 конверта сложенный в несколько раз листок бумаги:

«Это моё первое и последнее тебе письмо. Я чувствую себя самой последней тварью, Нанаки. Боги простят меня? Ты жрец, ты должен знать. Я ведь обрекаю парня на вечную каторгу! Неужели я опустился до такого? Жертвовать племянником ради собственной свободы.

Но всё же, ближе к сути. Я сделал всё, что нужно? Я привёл на своё место другого. Теперь Хинай отпустит меня? Я не умру, если покину деревню? Если ты ошибался, Нанаки

я буду приходить к тебе во снах. Хотя, лучше уж умереть, чем продолжать жить в этом месте. Надеюсь, вы позаботитесь о Тору. Он совершенно этого не заслужил. Как я объясню всё это Румико? В общем, Нанаки. Сегодня ночью я уезжаю из Сатамори. Я оставляю здесь все свои сбережения, всё что удалось вытащить из банков за последнее время. Если всё пойдёт хорошо, то, когда Тору подрастёт, сможет вложить их в полезное дело. Приглядывай за ним, Нанаки. И прощай».

Удивительно, но я ничего не почувствовал. Я был готов, что прочту нечто подобное. Глупо было полагать, что такой человек как дядя, не продумал всё на сто шагов вперёд. Он бы не стал рисковать своей жизнью, предпринимая опрометчивые шаги.

Значит, всё было решено с самого начала? Я был обещан Сатамори с самого приезда или ещё раньше? Дядя знал всё заранее. Знал, с чем мне придётся здесь столкнуться. И что мне делать? Плакать? Биться в истерике? Звать на помощь?

Харука поднялась на ноги. Глядя на её лицо, я понимал, что она задаёт себе те же вопросы, что и я. Этот храм был её домом. Теперь этого дома нет. Идти Харуке некуда, а близких у неё и не осталось. Может ли она считать близким меня? После всего, что было?

— И что же нам теперь делать? — от безысходности спросил я.

— Аи пропала, — прозвучал голос Уми. — Сейчас я бы побеспокоилась за неё.

— И где же она может быть?

— Мест немного. Либо пляж, либо старая больница.

— Если бы она хотела скрыться... — Уми не дала мне закончить фразу.

— На пляже бы она этого не сделала.

Мы шли через леса, дабы не приближаться к деревне слишком близко. Рико вела нас, твёрдо и знающе ступала вперёд. Где-то там, глубоко, она была всё той же девочкой на самодельном велосипеде, что безуспешно пыталась списать домашнее задание. Снаружи же Рико была совсем другим человеком.

Уми двигалась передо мной. С первого взгляда кажется, что она и не поменялась вовсе. Казалось, что всё произошедшее на неё никак не повлияло. Но это было далеко не так. Уми уже с трудом держалась на ногах. Глаза, до этого вечно уверенные и серьёзные, стали беспокойными, а взгляд девочки затуманенным.

И даже Харука стала совсем другой. После всего случившегося, от неё, словно бы, осталась одна лишь тень. Она ничего не пыталась нам сказать, больше не пользовалась тетрадкой. Харука просто слепо следовала за нами, так как больше податься ей было некуда.

— Странно, — тяжело дыша, подметила Уми. — Я не помню, как засыпала сегодня.

— Это ты к чему?

— Посмотри вокруг, Тору, — девочка обвела лес руками, — дым и запах гари.

— Хинай... — я опасливо заозирался.

— Но мы же были в храме, — обернулась Рико. — Говорили, что в Хинае его просто не существует.

— Не знаю, — Уми отвела взгляд. — Я не всё на этом свете знаю.

— Выходит, мы можем встретить теней? — обеспокоено спросил я.

— Не исключено, — ответила мне Уми.

Здание старой больницы показалось через десяток минут. В дыму оно выглядело ещё более жутким, чем раньше, а запах гари усилился в разы. Мы стояли у входа и не решались войти. Хотя с последнего нашего визита ничего не изменилось, складывалось ощущение, что это место стало другим. Истории о враче-каннибале казались уже простой детской страшилкой, по сравнению с тем, что сейчас могло обитать в стенах этой больницы.

Первый шаг сделала Рико. Под подошвой её кроссовка затрещало битое стекло, мрак коридора медленно поглощал девочку. Это уже не было похоже на обычную забаву, на проверку храбрости. Казалось, если сейчас Рико зайдёт ещё глубже, то уже не вернётся.

Мы последовали за ней.

Харука шла рядом со мной, но теперь не жалась к моему плечу как прежде. Конечно, я понимал её. Понимал, что сейчас она подавлена и разбита. Но на душе, всё равно, скребли кошки. После всего, что было, мы должны были стать с ней ещё ближе. А вместо этого появилось ощущение, словно между нами стена.

Я действительно полюбил Харуку. Мне было уже неважно, может она говорить или нет, неважно, какое у неё прошлое, ничего больше не играет существенной роли. Если я навсегда заперт здесь, в этой деревне, то это «навсегда» я бы хотел провести с Харукой. Вчетвером мы заглядывали в каждый кабинет, в каждую каморку, но Аи нигде не было. Я уже стал сомневаться, что она укрылась именно в этом месте. К тому же, наученный прошлым опытом, я бы не хотел оставаться в закрытом помещении во время Хиная.

С Харукой мы зашли в одну из палат. Ровные ряды коек с порванными, засыпанными золой и пылью матрасами, покосившимися тумбочками, старыми и ни на что не годными капельницами. Никаких признаков того, что Аи здесь хотя бы когда-то была.

Харука, уставши уселась на одну из коек и наконец открыла свою тетрадь, зачеркав в ней карандашом: «Я тоже когда-то лежала в больнице».

— Я знаю, — я присел рядом.

«Рассказать тебе, как я потеряла голос?»

— Если ты хочешь, — нерешительно ответил я.

Она долго и кропотливо писала свою историю в тетради, а я тем временем наблюдал за растекавшимся по округе дымом. Будто бы повсюду бушевал огромный пожар, будто бы горело всё: деревья, дома, трава, земля и мы сами. Вот только... огня не было.

«Мне было шесть. Осенью крыша храма совсем прохудилась и, когда шли дожди, вода заливала святилище. Ками не любят, когда грязно, поэтому Нанаки-сан решил, что пора чинить крышу. Он просил Комаэду-сана прислать ему кого-нибудь в помощь, но Комаэдасан отказал. Поэтому Нанаки-сану помогала я. Мы уже заканчивали, когда я потянулась за ведром с краской. Когда падаешь с такой высоты, кажется, что всё происходит медленно, но на самом деле, это длится не больше секунды. Было больно. Ощущение такое, словно всё внутри тебя перемешивается. Когда приехал врач, я была ещё в сознании. Я хотела сказать, где у меня болит, но не получалось. Язык двигался не так как нужно, не слушался меня. А потом я просто потеряла сознание. Я очнулась в пустой палате. Хотела позвать кого-нибудь, но язык всё также меня не слушался. И когда пришли врачи, и когда пришёл Нанаки-сан, я всё равно ничего не могла рассказать. Доктора сказали, что такое можно вылечить только в городской больнице, что нужно делать операцию. Но из Сатомори уезжать было нельзя. Зато Нанаки-сан научил меня разговаривать руками, а затем купил мне эту тетрадку, чтобы я

могла общаться с другими ребятами. Он очень много сделал для меня. Зачем эти люди так поступили с ним?»

— Я не знаю, Харука, — я опустил взгляд в пол.

Она не стала ничего писать. Попыталась что-то сказать, но чуда не случилось. Мы сидели так ещё некоторое время, пока со стороны пожарного выхода не послышались голоса Уми и Рико.

На крыше, спрятавшись под вертолётную площадку, сжавшись у одной из строп, сидела Аи. В лёгком летнем платье, с измазанными и ободранными коленками. Она, как и в прошлый раз, смотрела куда-то в пустоту.

— Ва, Аи-чан, — Рико начала аккуратно приближаться к девочке. — Что ты тут делаешь?

— Юри была права, — голос Аи уже не звучал так по-детски наивно. — Что бы мы не делали, ничего не изменится. Нет смысла стараться что-то изменить.

Аи медленно поднялась и подошла к краю крыши, продолжая смотреть куда-то вдаль, всматриваться в грязно-серый горизонт.

— Аи, во всём есть смысл, — Рико напряглась. — Мы же друзья. Быть вместе, вот и весь смысл.

— Но мы уже не вместе, — Аи развернулась к нам лицом. — Юри умерла, Ханакирисенсей умерла. Скоро и мы умрём.

— Прекрати, — прохрипела Уми. — Прекрати себя так вести.

— Я не права?

— Ты говоришь, как Юри, — слёзы. Впервые за все время нашего знакомства, я увидел их на лице Уми. — Не веди себя так эгоистично! Будто одну тебя волнует всё происходящее!

— Я не права? — повторила она. — Где сейчас Кира-кун?

Уми вздрогнула и замерла.

— Ну же, Уми-чан, ответь, — Аи болезненно улыбнулась. — Что стало с Кирой? — Уми до крови прикусила губы.

— Он помогал Уми-чан с самыми трудными заданиями, часто гостил у Уми-чан, дарил Уми-чан подарки, а однажды поцеловал. В щёчку, — она не переставала улыбаться. — Тогда наша серенькая зазнайка и влюбилась.

— Замолчи, — прохрипела она. — Хватит.

— Уми-чан всё думала, как же лучше ему об этом сказать. Но однажды, Кира-кун сел в машину и, не попрощавшись, уехал. Уми-чан осталась одна.

— Он вернётся, — вечно металлический голос Уми содрогнулся. — Он вернётся за мной.

— Он не вернётся за тобой, — Аи снова отвернулась. — Потому что Кира-кун умер.

— Вернётся, — Уми сделала шаг вперёд. — Кира-кун вернётся!

Уми медленно шагала в сторону подруги. А мы? Мы стояли. Почему? Потому что не знали, что делать. Не знали, как быть. Мы ничего не знали.

Совсем скоро Уми добралась до Аи, ударив ту по щеке. В ответ Аи также огрела подругу шлепком по лицу. Очки Уми слетели и, ударившись о бетонное покрытие крыши, треснули. Уми схватила Аи за волосы и таскала из стороны в сторону.

Недолго думая, девочка вцепилась в руку Уми ногтями, а когда хватка подруги ослабла, оттолкнула её от себя.

Мы опомнились, когда было слишком поздно. Тело Уми потянуло вниз. Падая, она

зацепила головой один из выступов, отчего её шея неестественно вывернулась назад. Со всей набранной скоростью, тело Уми, с отвратительным звуком, рухнуло на землю, подняв вокруг себя тучку пыли.

— Я... — Аи отошла от края. — Нет.

— Уми! — Рико бегом бросилась к пожарному выходу.

Я схватил Аи за руку и также бросился к спуску вниз. Харука проследовала за нами.

Уми лежала лицом вниз, жутко выгнув конечности. Переворачивать её никто не решился. Даже на такое зрелище смотреть было невыносимо.

Рико осела рядом с трупом и громко, душераздирающе, закричала. Не плакала, а кричала. Кричала от безысходности. Кричала, потому что ничего больше сделать была не в состоянии. Не было больше никакого — «Ва», не было странного деревенского говора. Был только отчаянный крик.

— Не хотела, — как заговорённая повторяла Аи. — Не думала. Не хотела.

— Рико, — я обеспокоенно положил ей руку на плечо. — Не кричи, прошу тебя. Они могут услышать.

— Пускай! — она поднялась с земли. — Пускай услышат! Я устала терять друзей.

— Давай уйдём отсюда, — я впервые взял её за руку.

Рука Рико была не такой, как у Харуки. Слегка шершавой, холодной, миниатюрной, но крепкой. Ощущение были совсем иными.

— Куда?

— Для начала в дом дяди Ёичи. А там подумаем.

— Мы оставим Уми тут?

— Мы вернёмся за ней, когда успокоимся.

Рико тяжело слотнула, закрыла глаза и, наконец, согласилась. Мы снова двинулись в направлении рисовых полей. Теперь нас осталось всего четверо.

Глава VII

— Сколько времени прошло? Почему мы до сих пор не проснулись? — я прислонился к толстому стволу сосны.

— Много, — отстранённо ответила Рико. — Слишком много.

Мы шли уже около часа. В горле пересохло, ноги гудели от усталости, от запаха гари было тяжело дышать. Казалось, что идти в сторону больницы было проще, нежели уходить от неё.

Когда до заветного перекрёстка оставалась всего пара метров, Рико резко остановила нас. Девочка долго вглядывалась в дымовую завесу. Совсем недалеко, между деревьями блуждала одна из теней.

Нас она, кажется, не замечала. Тень то поднималась над землёй, то опускалась максимально низко. Чёрные отростки, словно локаторы, извивались во все стороны. При одном взгляде на это зрелище, становилось тошно.

— В деревню, — шёпотом проговорила Рико. — Медленно.

Тихо переставляя ноги, мы свернули с курса. Вспоминая смерть Ханакири-сенсей, я старался ступать максимально осторожно, почти бесшумно. Я не знал, насколько хорошо слышит и видит этот чёрный шарик, поэтому пытался даже задержать дыхание.

Когда мы наконец отошли на безопасное расстояние, я выдохнул. Однако даже сейчас идти мы старались аккуратно и постоянно оглядывались назад.

— Ты уверена, что деревня — это лучший выход? — я подошёл к Рико. — Нас там ищут.

— С людьми можно договориться, — Рико тоже говорила шёпотом. — В конце концов, все мы дружили семьями.

— Может, было бы логичнее обойти тень с другой стороны?

— Не знаю, — девочка покачала головой. — Приблизиться к ней слишком опасно.

Крыши домов показались довольно скоро. Судя по окружению, мы вышли где-то близ дома Юри. На улицах никого, заборы увешаны странными амулетами, двери плотно заперты. Однако во многих домах горел свет. Если пойдём по главной улице, нас тут же заметят.

Неожиданно послышался шум открывающейся двери. На крыльце одного из домиков стояла женщина. На вид ей было около пятидесяти, она внимательно нас разглядывала, а затем поманила рукой.

— Ёдзава-сан, — тихо произнесла Рико. — Подруга моей мамы.

— Ей можно доверять? — я косился в сторону незнакомки.

— Думаю, можно, — девочка кивнула и сделала неуверенный шаг вперёд.

Короткими перебежками мы добрались до домика и забежали вовнутрь. Вблизи я смог разглядеть женщину получше. Лицо уставшее, словно она не спала уже несколько дней, тонкие руки слегка тряслись. Старенькое домашнее платье местами было чем-то измазано.

— Морико-чан, — женщина крепко обняла девочку. — Ты всё-таки жива. Слава богам, всё в порядке.

— Ёдзава-сан, что с родителями? — Рико освободилась от объятий.

— Прости, Морико, — она огорчённо покачала головой. — После того, как их, вместе с семьёй Окико, увели, я ничего не слышала.

— Ладно, — серьёзно ответила Рико. — Успеем ещё повидаться.

Мы прошли в гостиную. На полу, в окружении игрушек, сидел мальчишка. Был он не старше трёх лет. Мальчик катал по ковру пластмассовую машинку с отломанным колесом и что-то бубнил себе под нос.

— Разве, в Хинай попадают дети до семнадцати? — удивился я.

— Вы не знаете? — женщина села на небольшой диванчик, что стоял у окна.

— Что мы должны знать? — Рико уселась у стены, облокотившись на неё.

— Когда Комаэда и те, кто его поддержал, ворвались в храм и сотворили все эти ужасные вещи, что-то в Сатомори изменилось, — Ёдзава вздохнула. — Никто не засыпал, а Хинай всё равно пришёл. С холмов спустился дым и появились тени. И в этот раз сюда попали все без исключения.

— Хотите сказать, что это не сон?

— Боюсь, что не сон.

Она оглядела нас ещё раз. Аи жалась в углу комнаты и продолжала, как мантру, нащёптывать извинения перед Уми. Харука неподвижно стояла у входа в комнату и, неестественно злыми глазами, смотрела на хозяйку дома.

— Ты же храмовничья девочка, верно? — Ёдзава попыталась улыбнуться, но Харука продолжала хмуриться.

Девочка раскрыла тетрадку: «За что вы так поступили с Нанаки-саном? За что вы разрушили храм?»

— Дорогая, — женщина сложила руки на груди. — Не все были с Комаэдой, не все согласились совершать эти ужасные вещи.

Губы Харуки снова затряслись, на глаза навернулись слёзы: «Тогда почему вы не остановили их?»

— Нас было слишком мало, — Ёдзава горестно вздохнула. — Тех, кто посмел открыто сопротивляться, куда-то увели.

— Выходит, в деревне ещё есть те, кто не поддерживает Комаэду?

— Папа не злой... — прохрипела из угла Аи. — Папа запутался. Папа не хотел делать кому-то больно.

— Вас четверо, — подметила Ёдзава. — А где Уми-чан?

— Она... — Рико осеклась и устремила взгляд в пол.

— Что, Рико? Что стряслось?

— Она разбилась, — выдавила из себя девочка. — Там, у старой больницы.

— Знаете, вам нужно отдохнуть, — женщина встала с дивана и направилась в соседнюю комнату. — Я постелю вам.

— Нам нельзя долго здесь оставаться, — Рико поднялась с пола.

— Нет-нет, — женщина скрылась в дверном проёме. — Вам необходимо немного поспать. А там придумаем, что делать дальше.

Через пару минут, она вернулась к нам в гостиную.

— Места там немного, но думаю, вчетвером поместитесь, — Ёдзава добродушно улыбнулась. — Отдохните немного.

Однако Харука не решалась проходить дальше гостиной. Она стояла на входе и сжимала в руках тетрадку, пристально наблюдая за женщиной.

— Тебе тоже нужно отдохнуть, — я подошёл к девочке. — Ёдзава-сан хочет нам помочь.

Харука перевела на меня взгляд. Она доверяла мне. Мне, больше никому. И хотя она

продолжала сомневаться и топтаться на месте, я почувствовал, как она аккуратно прикасается к моей ладони. В очередной раз.

Небольшая комнатуха с двумя, аккуратно постеленными, футонами на полу и невысоким торшером, слабо освещавшим пространство вокруг себя. Окно комнаты открывал вид на лес. Рико захлопнула дверь и устало повалилась на один из футонов.

— Харука, Аи, — Рико подняла голову. — Ложитесь сюда. Тесновато, конечно, но не будем смущать Тору. Девочкам лучше спать с дево...

Харука достала свою тетрадь:

«Всё в порядке, я лягу с Тору».

— Ты уверена? — Рико смутилась. — Он же всё-таки парень.

«Я знаю».

Харука аккуратно улеглась на соседний футон, укрывая себя одеялом. Я же, с покрасневшим до неприличия лицом, не знал куда спрятать взгляд. Я ведь так ничего им и не рассказал.

— Вот как значит, — Рико странно улыбнулась. — Приятных снов.

Девочка отвернулась к стенке и погасила торшер. И что это на неё нашло? Такая странная улыбка. Особенно странная на лице Рико. Но долго размышлять я не смог, усталость брала своё. Я залез под одеяло и тут же почувствовал, как Харука обвила меня руками и ногами, уткнувшись носом в шею.

Так тепло. Так мягко. Сон сморил меня за считанные секунды, глаза устало закрылись, и я погрузился в странный, совершенно пустой и глубокий сон.

Жуткая жажда. Я провёл языком по сухому нёбу и поднялся с футона. Харука крепко спала, с головой забравшись под одеяло. Аи, широко раскинув ноги и руки, заняла собою весь соседний футон. Рико куда-то пропала.

Сонно протирая глаза, я вышел из комнаты. В доме тихо. Кажется, хозяйка куда-то ушла. На кухне за пустым столом сидела Рико. Она отстранённо смотрела в окно и не сразу отреагировала на моё появление.

— Тору, — лишь через пару секунд она заговорила. — Не спится?

— Пить хочу, — я подошёл к крану, взял первый попавшийся стакан и набрал в него воды. — А ты чего не спишь?

— Не выходит, — она тяжело выдохнула. — Хочу уснуть и не получается.

— Где Ёдзава-сан? — я сел напротив.

— Не знаю, — Рико пожала плечами. — Скажи, Ивару. Харука тебе нравится?

— С чего вдруг такие вопросы?

79/85

— Ва, — она отвернулась. — Знаю, что глупый вопрос. Но, я хочу услышать.

— Наверное, нравится.

— Что ещё за «наверное», — фыркнула Рико. — Не бывает так! Либо нравится, либо нет.

— Тогда, — меня напрягала вся эта ситуация. — Нравится.

— И всего-то? — я заметил, как Рико нервно мнёт юбку. — Всего лишь нравится? Не больше?

— Наверное, больше.

— Ва! Я же тебе сказала, — она стукнула ладонью по столешнице. — Не бывает никаких «наверное»!

— Больше.

— Ясно, — она вновь странно улыбнулась.

— Рико?

— Ты такой странный Ивару, — девочка вдруг рассмеялась.

— С чего это?

— Не бери в голову, — она отмахнулась.

Послышался стук ботинок и чья-то невнятная речь. По тембру голоса я различил Ёдзаву, отвечал ей мужской бас. Дверь в дом открылась и ботинки застучали уже по коридору. Мы напряглись. В гостиную вошёл мужчина.

— Ято-сан, — прошептала Рико. — Он был с Комаэдой, когда толпа пошла крушить храм.

— Что он тут делает?

— Знать бы, — сидя за столом, мы старались не шевелиться.

Мужчина прошёлся по гостиной и остановился у входа в комнату, где мы спали. Ёдзава стояла неподалёку и нервно перебирала руками.

— Храмовничья девка там? — раздался грубый голос Ято.

Ёдзава кивнула.

Воспользовавшись моментом, мы с Рико юркнули под стол.

Мужчина резко открыл дверь и шагнул в комнату. Через пару минут он выволок в гостиную Харуку и Аи, неодобрительно взглянув на Ёдзаву.

— Ты говорила пацан и Каватсуки тоже у тебя, — он явно ненамерен шутить.

— Они были здесь, Ято-кун, — женщина засуетилась. — Честное слово! Они были здесь!

Ято принялся осматривать гостиную. Заглядывать за шторы и в шкафы. Лишь вопрос времени, когда он нас обнаружит.

— Сдала, — Рико закричала зубами. — Она нас сдала.

— Что делать, Рико?

— Ято много курит, — Рико смотрела в сторону выхода. — Долго бегать он не сможет. Если побежим достаточно быстро, можем проскочить.

— И куда нам бежать?

— Придумаем.

Выдержав момент, когда мужчина не сможет среагировать достаточно резко, мы сорвались с места. Стол в тот же миг повалился, вдребезги разбилась вся посуда, что стояла на нём. На ходу я схватил Харуку за руку и потянул за собой. Аи же, спотыкаясь и заливаясь слезами, следовала за Рико.

Ято, перескочив через диванчик в гостиной, бросился за нами. Едва не ухватив меня за рукав, он на долю секунды замешкался в коридоре. Этого времени нам хватило, чтобы выбежать из дома.

На улице нас поджидали ещё двое: мужчина и женщина. Мы пронеслись мимо них столь стремительно, что лиц их я разглядеть не успел, услышал лишь громкий бас Ято, призывающий бросаться за нами в погоню.

На всей скорости мы вырвались на главную улицу Сатомори. К трём преследователям добавились ещё двое. Однако, пока нам удавалось сохранять достаточное расстояние, чтобы

не быть схваченными.

Мы пронеслись мимо школы. До перекрёстка оставалось совсем немного, но погоня никак не прекращалась. По деревне разносились крики, оповещающие всех о нашем присутствии. Неужели они настолько сильно желают нас поймать, что наплевали на собственную безопасность?

Скоро Ято и женщина, что поджидала нас у хижины, отстали. Погоня, правда, не прекращалась, а дистанция неумолимо сокращалась. Уставшая Аи тянула Рико назад, отчего девочка сдавала позиции и уже сравнялась со мной.

— Они же нас догонят! — не выдержал я.

— Беги! — рявкнула Рико. — Заткнись и беги!

Вдалеке замаячили рисовые поля. Мы были уже совсем близко, оставалось сделать лишь последний рывок.

Когда мы наконец оказались на перекрёстке, погоня вдруг прекратилась. Преследователи замерли на месте и уставились глазами в одну точку. Несложно было догадаться, что именно заставило их остановиться.

По тропинке, которая вела в сторону храма, медленно двигался сгусток тёмной материи. Временами он странно подрагивал и выпускал свои чёрные отростки. Тень приближалась к нам, целенаправленно летела напрямик в центр перекрёстка.

Тройка, преследующая нас, начала пятиться, постепенно удаляясь обратно в сторону деревни. Мы же остались посреди перекрёстка. Оцепенели и не двигались, дожидаясь, кого же выберет тень.

Чёрный сгусток был уже совсем близко. Он не спеша пролетел перед лицом Рико, сделал пируэт рядом с Аи, и, наконец, встал между мной и Харукой. Всё, как тогда в школе. Отвращение и страх разбежались по телу. Заглядывая в тень, я видел самые отвратительные образы, самые кошмарные сны, которые когда-либо мне снились.

Харука, кажется, видела тоже самое. И без того фарфоровое лицо, стало мертвецки белым, каждая мышца в её теле была напряжена до предела. Я мог только гадать, что она видит, что она сейчас чувствует.

«Только не наделай глупостей», — проскочило у меня в голове.

Чем дальше мы стояли, тем тяжелее было сдерживаться. Хотелось сорваться с места, хотелось закричать и куда-нибудь спрятаться. Меня выворачивало наизнанку. Я совершенно не знал, что делать в сложившейся ситуации.

Харука закрыла глаза и тихо промычала. Тень подалась к ней. Медленно, покачиваясь из стороны в сторону.

Девочка запаниковала и сделала, шаг назад. Тень ускорила.

— Харука... — едва шевеля губами, процедил я.

Когда тень была уже совсем близко, Харука наконец открыла глаза и взглянула на меня. Взглянула без страха и без капли сожаления. Послышалось протяжное и сдавленное — «а». Тень выпустила чёрные отростки и прошла сквозь грудь девочки, тут же испарившись в воздухе.

Тело мгновенно обмякло, вены на руках вздулись. Я сорвался с места и в то же мгновение подхватил ее. Кожа была горячей, словно нагретая на солнце. Харука тяжело дышала, пытаясь держать голову на весу.

Я хотел было что-то сказать, но не смог выдать из себя и слова. Харука с большим трудом открыла глаза. Губы её разомкнулись, и я в очередной раз услышал лишь сдавленное

и болезненное мычание.

— Я не понимаю, — прохрипел я в ответ.

Девочка протянула руку к моей шее и указала на кулон. Кандзи — месяц. *Собрав все свои силы, Харука указала на себя, затем на меня и снова на кулон. Рука её вконец ослабла и безвольно ударилась о землю.

— Харука, — я прижал её крепче.

С тех пор я уже никогда не чувствовал прикосновения её рук. Она долгое время приходила ко мне во снах, смотрела на меня, пыталась что-то сказать. Однако, в этот день Мегами Харука навсегда закрыла свои жутко-уставшие и настолько же жуткопечальные глаза.

Я сидел здесь, на перекрёстке у рисовых полей и прижимал её стремительно остывающее тело, судорожно водил ладонью по хрупким волосам и проклинал всё на свете: теней, Комаэду, Нанаки, Сатомори, дядю Ёичи. И себя. Себя я проклинал в первую очередь.

Кричать нужно было мне. Нужно было заставить тень идти ко мне. Но я этого не сделал, я струсил. И смерть Харуки — всего лишь плата, за эту самую трусость.

Больше я её никогда не увижу. Никогда.

Здесь, на перекрёстке у рисовых полей, я видел Харуку в последний раз...

Больше книг на сайте - Knigoed.net